

1 Министерство образования и науки Российской Федера
ции
Федеральное государственное бюджетное образовательное уч
реждение

Высшего образования
«Смоленский государственный университет»

Факультет истории и права
Кафедра всеобщей истории

Магистерская диссертация на тему:
Античные государственно-политические теории в
произведениях мыслителей Нового времени (от Н.
Макьявелли и Ф. Гвиччардини до Т. Гоббса и Дж.
Локка)

Выполнил:
Студент группы №31
заочного отделения
направление подготовки «История»
профиль «Россия и Европа: история
государственного строительства и гражданских
институтов»

Ганслингер Даниил Александрович

Научный руководитель: д.и.н., проф.
Ивонина Людмила Ивановна

Работа допущена к защите:
зав. кафедрой д.и.н., проф.

Смоленск

2018

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Прямые заимствования идей и взглядов античного периода в работах на общественную и политическую тематики начала эпохи раннего Нового времен	
и.....	9
1.1 Макьявелли: тирания во благо республики.	9
1.2 Государственный интерес против Государя: Джованни Ботеро.....	19
Глава II. Подражание античной традиции в политических трудах Нового времени посредством косвенного заимствования и дей.....	26
2.1 Гвиччардини: история в политике.....	26
2.2 Гроций: римское наследие как основа международного права.....	30
Глава III. Непрямое сходство положений, выдвигаемых в работах	

политических мыслителей Нового времени, со взглядами античного периода	
а.....	39
3.1 «Смертный бог» Гоббса:	
Левиафан.....	39
3.2 Локк и его трактаты о правительстве.....	46
Заключение.....	
..	56
Библиография.....	
..	64

Введение

В процессе проведения исследований в исторических дисциплинах наиболее распространенным предметом изучения является определенная личность, либо события или процесс, которые подвергаются рассмотрению с различных точек зрения, представляющих интерес для исследователя, как-то: установление достоверности биографических данных или изучения экономических, социальных, политических и иных аспектов.

В представленной магистерской диссертации для анализа были выбраны политико-правовые произведения авторов раннего Нового времени, в которых содержатся отсылки к античному периоду. В отличие от подавляющего большинства исследований работ мыслителей раннего Нового времени, сосредоточенных на изучении непосредственно политического содержания с точки зрения политологии, истории и истории государства и права, нас интересует текст не столько как носитель замысла написавшей его личности, но как объект, представляющий собой множество составляющих, выделение которых и выявление их непосредственной станет фокусом данной работы. В этом преимущественно и заключается научная новизна исследования.

В данной работе мы отдаем предпочтение отсылкам к временам и событиям Древнего Рима, несмотря на то обстоятельство, что под понятием «античность», хотя оно и охватывает весь период истории как Древней Греции, так и Рима, в большинстве своем подразумевают все же историю Древней Греции. Безусловно, для этого имеются предпосылки, так как «греческий» период является более продолжительным за счет того, что начался несколькими веками раньше римского и тогда же достиг своего расцвета, а римская культура представляется глубоко вторичной. Естественно, мы не можем этого отрицать, поскольку даже римская религия была построена на прямом заимствовании греческого пантеона, и более того — на это указывает и стремление римлян указать на причастность своего происхождения от древнегреческих героев Троянской войны. Этого обстоятельства не может изменить даже то, что в дальнейшем в римской

истории отношение ко всему греческому зачастую менялось на диаметрально противоположное. На наш взгляд, все эти причины впоследствии привели к тому, что при рассмотрении античного влияния на дальнейшую историю изучению в большинстве своем подвергается греческая философия, формы народоправления и другие ключевые моменты греческой культуры. Что же касается наследия римского, его, как правило, включают в рамки изучения непосредственно права и истории Древнего Рима, либо ее историографии в последующие исторические периоды, от Средневековья до Новейшего времени.

Следовательно, исследование античного наследия в трудах, отстоящих от античного периода на тысячелетие и более, дает нам возможность с новой точки зрения взглянуть на преемственность идей, а также изучить специфику отношения самих авторов к измышлениям, почерпнутым ими из прошлого.

Источниковой базой работы являются труды Николло Макиавелли¹, Франческо Гвиччардини², Джованни Ботеро³, Гуго Гроция⁴, Томаса Гоббса⁵ и Джона Локка⁶. Дополнительно были использованы сочинения историков и литераторов античного периода, к которым обращались указанные авторы. К ним относятся: Гай Светоний Транквилл⁷, Публий

¹ Макиавелли Н. Государь; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия; О военном искусстве: Сборник / Н. Макиавелли; пер. с ит. 2-е изд. Минск: Попурри, 2013. 672 с.

² Гвиччардини Ф. Сочинения / Перевод М.С.Фельдштейна. М.: Academia, 1934. 550 с.

³ Ботеро Дж. О государственном интересе // Кроме Макиавелли. Проблема метода в политических науках раннего Нового времени. М.: Квадрига, 2014. С. 167- 195.

⁴ Гроций Г. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / пер. с лат. А. Л. Саккетти; вступ. ст. С. Б. Крылова, А. А. Желудкова. М.: Ладомир, 1994. 868 с.

⁵ Гоббс Т. Левиафан / Пер. с англ. А. Гутерман, С. Автократов, В. Зайцев; вступ. ст. А.Ф. Филиппов. М.: РИПОЛ классик, 2016. 672 с.

⁶ Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 137-405.

⁷ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Перевод М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1993. 368 с.

Корнелий Тацит⁸, Тит Ливий⁹, Дион Кассий¹⁰, Полибий¹¹, Плутарх¹², Публий Овидий Назон¹³, Вергилий¹⁴, Децим Юний Ювенал¹⁵ и Марк Туллий Цицерон¹⁶. Кроме того, к работе привлекались сведения по истории ранней Римской империи из произведений Марка Веллея Патеркула¹⁷, Луция Аннея Флора¹⁸ и Вегеция¹⁹.

Историография работы достаточно обширна, но следует учесть, что специальные исследования по теме диссертации отсутствуют. В частности, зарубежная историография представлена работами по истории Древнего Рима и его персоналий периода ранней Империи за авторством Джорджа Бейкера²⁰, Ричарда Холланда²¹, Александра Кравчука²², и культурологическими исследованиями Роберта

⁸ Публий Корнелий Тацит. История / Пер. с лат. А.С. Бобовича. М.: АСТ: Астрель, 2012. 828 с.

⁹ Тит Ливий. История Рима от основания города. Том I / Пер. С. А. Иванова, комментарий Н. Е. Боданской. М.: Наука, 1989. 577 с.

¹⁰ Dio's Roman History/Trans. by Earnest Cary. London; New York, 1914-1927. 453 p.

¹¹ Полибий. Всеобщая история. Т. I (кн. I—V) / Пер. с греч. и комментарии Ф. Г. Мищенко. М.: 1890-1899.

¹² Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т./Плутарх, т. II. М.: АН СССР, 1994. 672 с.

¹³ Публий Овидий Назон. Метаморфозы. / Пер. с лат. С. В. Шервинского. М.: Художественная литература, 1977. 429 с.

¹⁴ Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида / Пер. с лат. С. А. Ошерова под ред. Ф. А. Петровского. М.: Художественная литература, 1979. 550 с.

¹⁵ Децим Юний Ювенал. Сатиры. СПб.: Алетейя, 1994. 220 с.

¹⁶ Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Пер. с лат. и комментарии В. О. Горенштейна. М.: Наука, 1993. 248 с.

¹⁷ Марк Веллей Патеркул. Книга II // «Римская история» Веллея Патеркула // А.И. Немировский, М.Ф. Дашкова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 211 с.

¹⁸ Луций Анней Флор. Эпитомы Титу Ливию. Книга II / Перевод А.И. Немировского, М.Ф. Дашковой. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. 167 с.

¹⁹ Симпозиум Συμπόσιον [Электронный ресурс]: Вегеций. Краткое изложение военного дела. URL: <http://simposium.ru/ru/node/10268> (дата обращения: 26.11.2017)

²⁰ Бейкер Дж. Август. Первый император Рима / Пер. с англ. Н. А. Поздняковой. М.: Центрполиграф, 2010. 285 с.

²¹ Холланд Р. Октавиан Август. Крестный отец Европы / Пер. с англ. Е. Корягина. М.: АСТ: Астрель, 2010. 348 с.

²² Кравчук А. Императоры / пер. с польск. Н. В. Селивановой. М.: Астрель, 2012. 1118 с.

Хьюза²³, а также всеобъемлющей «Историей западной философии» Бертрана Рассела²⁴, «Проблемами итальянского Возрождения» Эудженио Гарэна²⁵, «Историей Англии и английского народа» историка позитивистского направления Джона Грина²⁶ и «Основами государственного права в Англии» А. Дэйси²⁷.

Из отечественной историографии советского периода были задействованы работы по древнеримской истории Ильи Шифмана²⁸, Роберта Виппера²⁹, академика Сергея Ковалева³⁰ и Николая Машкина³¹. Работы этих авторов описывают как всю историю Рима, так и рассматривают отдельно период принципата и становления империи. К советской историографии относятся исследования Виктора Рутенбурга³² по истории Италии XVI века и Е. Вейцмана³³, посвященные изучению социологической основы в трудах Гоббса. Также был использован сборник работ 70-х гг. авторства Леонида Баткина «Итальянское Возрождение. Проблемы и люди»³⁴, в котором эпоха представлена через персоналии того времени, и «Этика Макиавелли» Марка Юсима³⁵, рассматривавшего

²³ Хьюз Р. Рим. История города: его культура, облик, люди / Пер. с английского А. Тихоновой под ред. В. Бабицкой. М.: АСТ, 2014. 576 с.

²⁴ Рассел Б. История западной философии. М.: АСТ, 2016. 1024 с.

²⁵ Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М.: ПРОГРЕСС, 1986. 417 с.

²⁶ Грин Д. Р. История Англии и английского народа / Пер. с англ. 3-е изд., испр. и доп. М.: Кучково поле, 2017. 888 с.

²⁷ Дэйси А.В. Основы государственного права в Англии. Введение в изучение английской конституции / Пер. О. В. Полторацкой под ред. проф. П. Г. Виноградова. М.: Типогр. товарищества И. П. Сытина, 1905 г. 707 с.

²⁸ Шифман И.Ш. Цезарь Август. Л.: Наука, 1990. 200 с.

²⁹ Виппер Р. Ю. Римская империя. М.: Эксмо: Алгоритм, 2012. 400 с.

³⁰ Ковалев С. И. История Рима. 2-е изд. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 744 с.

³¹ Машкин Н.А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.: Изд-во АН СССР, 1949. 608 с.

³² Рутенбург, В. И. Италия и Европа накануне Нового времени. Л.: Наука, 1974. 323 с.

³³ Вейцман Е. М. Примечания к сочинению "Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского" // Гоббс Т. Избранные произведения: в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1964.

³⁴ Баткин Л. М. Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. М.: РГГУ, 1995. 448 с.

³⁵ Юсим М. А. Этика Макиавелли. М.: Наука, 1990. 158 с.

вопросы противоречия политики и морали в трудах мыслителя.

Из современных исследований к работе были привлечены сборник «Сочинения великих итальянцев», составленный Л. Брагиной и посвященный периоду Чинквеченто³⁶. Сборник содержит, помимо произведений Макьявелли и Гвиччардини, сочинения иных итальянских авторов эпохи Возрождения. Также мы обращались к монографии Ю. Ивановой и П. Соколова «Кроме Макиавелли. Проблема метода в исторических науках раннего Нового времени»³⁷, основная тема которой – становление политической науки раннего Нового времени, и, как следует из названия монографии, изучения метода, используемого каждым из выбранных для анализа деятелей указанного периода. При написании последней, третьей главы данной диссертации были использованы работы Татьяны Лабутиной «Культура и власть в эпоху Просвещения»³⁸, «Английское Просвещение. Социально-общественная и педагогическая мысль»³⁹.

Хронологические рамки исследования включают два периода:

1) от V в. до н.э. до III в. н. э. Данные границы обусловлены источниковой базой – самые древние сведения, использованные в работе, относятся к 450-м гг. до н. э. по сведениям Тита Ливия; новейшие, относящиеся к

³⁶ Сочинения великих итальянцев XVI века/Сост., вступ. ст., коммент. Л. М.Брагиной. СПб.: Алетейя, 2002. 375 с.

³⁷ Иванова Ю. В., Соколов П. В. Кроме Макиавелли. Проблема метода в политических науках раннего Нового времени. М.: Квадрига, 2014. 320 с.

³⁸ Лабутина Т. Культура и власть в эпоху Просвещения. М.: Наука, 2005. 458 с.

³⁹ Лабутина Т., Д. В. Ильин. Английское Просвещение. Общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб.: Алетейя, 2012. 304 с.

древнеримской истории, заключены в упоминании «солдатских императоров», имеющих отношение к 230-280 гг. н. э.

2) от начала XVI в. до 90-х гг. XVII в. Нижняя граница обоснована датой создания Никколо Макьявелли трактата «Государь» (прибл. 1513 г.), верхняя хронологическая граница обусловлена написанием «Двух трактатов о правлении» Джоном Локком.

Актуальность творческого наследия рассматриваемых политических мыслителей обусловлена, в первую очередь, тем, что сама политика представляет собой непреходящее явление, существование которого является перманентным как в плоскости прошлого, так и будущего.

Объектом исследования является политическая мысль раннего Нового времени.

Предмет исследования – античное наследие в форме идей, общественных институтов, явлений, а также высказываний, заимствованных авторами Нового времени из античной исторической и классической литературы.

Учитывая уровень изученности темы, цель нашей работы состоит в анализе выбранных для исследования произведений Н. Макьявелли, Ф. Гвиччардини, Г. Гроция, Т. Гоббса и Дж. Локка на предмет установления степени влияния античных идей на изложенные в них теории.

Достижение указанной цели осуществляется посредством следующих задач:

- Рассмотреть выбранные произведения на предмет упоминания событий/идей/трудов древнего мира, имевших историческую документацию;

- Проанализировать с учетом частоты подобных упоминаний и их тематики степень приверженности автора идеям античности;
- Изучить контекст приводимых в тексте отсылок в свете исторически задокументированных событий;
- Интерпретация авторских высказываний, не имеющих документального подтверждения, с использованием сравнительного метода и привлечения источников античного периода.

Методологическую основу работы представляют принципы историзма и объективности, а также комплексный подход, объединяющий аналитический, описательный, историко-сравнительный и историко-генетический методы исследования с использованием компаративистики и источниковедческого и историко-критического анализа.

Структура работы соответствует порядку проведения анализа и ее написания. Диссертация имеет классическую структуру, включающую вводную часть, три главы с двумя подпунктами в каждой, заключение и библиографический список источников и историографии, использованных в процессе создания работы.

Глава I. Прямые заимствования идей и взглядов античного периода в работах на общественную и политическую тематики начала эпохи раннего Нового времени.

1.1 Макьявелли: тирания во благо республики.

Когда мы затрагиваем хронологическое понятие раннего Нового времени, начальный его период нельзя рассматривать в отрыве от феномена завершающегося Возрождения. Нужно заметить, что эпоху Возрождения в большинстве своем считают за некий период освобождения от схоластических норм, выход творческого человека из-под церковного контроля, но суть в том, что данное положение, во-первых, могло быть относительно справедливо, скорее, в сфере искусства, нежели повседневности, и, во-вторых – оно составляло лишь видимость. В этом легко убедиться, рассмотрев случаи «цензуры» живописи именитых мастеров, как, например, было с работой Микеланджело в Сикстинской капелле⁴⁰. Один догмат не сменился другим. Вернее было бы сказать, что теперь авторитеты церкви и античности взаимно дополняли друг друга, и там, где создатель старался уйти от схоластики, он попадал под необходимость (продиктованную, впрочем, своим личным видением) следованию образцам древности⁴¹. То же относилось и к политической сфере, о чем пойдет речь ниже. В рассматриваемом в этой части диссертации временном промежутке не представляет особой сложности найти примеры подобного следования «старине»,

⁴⁰ Роберт Хьюз. Рим. История города: его культура, облик, люди. С. 264.

⁴¹ Рассел Б. История западной философии. С. 622

самым явным из которых является произведение Никколо Макьявелли «Il principe», традиционно в русскоязычных изданиях именуемое «Государь» и реже – «Князь». Для анализа мы выбрали наиболее известную работу Макьявелли, которая подвергалась всесторонним исследованиям множество раз, хотя в нашем распоряжении также имеются и другие произведения - «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия»⁴² и «О военном искусстве»⁴³. Данный выбор легко объяснить необходимостью изучения именно политических трудов. «Рассуждения» же можно отнести к этой категории лишь косвенно, это произведение построено на сравнениях описываемых древнеримским историком событий с событиями, современными Макьявелли – таким образом, он проделывает работу, схожую с нашей, что уже не представляет особого исследовательского интереса. Что касается трактата «О военном искусстве», то он является непосредственной калькой с трудов Вегеция⁴⁴, и под видом диалога пересказывает устройство древнеримских войск, и насколько успешно благодаря этому ими велась война. Таким образом, этот труд не относится непосредственно к политической сфере, и, к тому же, даже на момент его создания едва ли можно было считать его состоятельным. Естественно, что мы все же использовали эти работы в исследовании, но непосредственному полному анализу из них был подвергнут только «Государь».

Прежде чем приступить к рассмотрению конкретных примеров из выбранной работы, необходимо

⁴² Макиавелли Н. Государь; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия; О военном искусстве. С. 123-482.

⁴³ Там же, с. 483-664.

⁴⁴ Симпосий Συμπόσιον [Электронный ресурс]: Вегеций. Краткое изложение военного дела. URL: <http://simposium.ru/ru/node/10268> (дата обращения: 26.11.2017)

проанализировать общую подоплеку изучаемого текста не как объекта, подвергаемого расчленению с целью определенной выборки, а как неделимый объект с точки зрения его неочевидной семантики.

По большей части «Государь», даже при понимании, что он был написан для конкретного лица⁴⁵, и с позиции восхищения в нем иным лицом⁴⁶, воспринимается как руководство к государственному правлению. Между тем, если абстрагироваться от приведенной в нем конкретики, мы можем заметить, что он содержит и несколько иных посылов.

Таковым является сама описываемая ситуация в практически каждой главе «Государя», требующая разрешения в решительных действиях, а необходимость образа действия подкреплена примером успешного (как стоит поступать), либо губительного (как поступать не стоило) решения правителя. Сюда же относится и то, что перед государем не ставится задача построения какого-то идеального государства, здесь он находится в положении стремящегося сохранить уже имеющееся в целостности и, при хорошем раскладе, приумножить его территории, перед ним а ргіогі стоит некая задача, позволяющая это сделать. Т. е., Макьявелли таким образом скорее показывает, как стоит вести себя в обстановке, которая грозит благополучию как государства, так и управляющему им лицу, поскольку в случае неудач народный гнев обращается в первую очередь на него, не говоря уже об угрозе потери самого объекта управления⁴⁷. В этом особо ярко проявляется одна из заслуг

⁴⁵ Рассел Б. История западной философии. С. 634.

⁴⁶ Там же, с. 636.

⁴⁷ Ю. В. Иванова, П. В. Соколов. Кроме Макиавелли. С. 27.

Макьявелли даже при современном взгляде – его утилитарность в требовании изучения не гипотетических, а реальных ситуаций.

Очевидно, что Макьявелли мог говорить о древних правителях без обвиняков, свободно упоминая их имена, т.к. государи древних времен уже явно не имели над ним власти, однако он при этом зачастую лишь обтекаемо упоминает кого-то из античного периода, чаще вставляя обозначения народа (в частности, «римляне»), конкретных же имен мы встречаем не так много. Зато указания на кого-то из своих современников или их предшественников даются им очень щедро и с подробным разбором их деяний. Подобное представление материала читающему налагает некоторые ограничения на его трактование, но, несмотря на это, мы позволим себе высказать некоторые предположения в отношении приводимых Макьявелли примеров из древности, в которых автор отзывается достаточно общо и не упоминая имен, а также свое видение авторского материала.

Теперь перейдем к непосредственному изучению труда. Мы будем следовать порядку изложения, предлагаемому самим автором, глава за главой, но без их нумерации, чтобы не разрывать повествовательное полотно, поскольку мы заинтересованы в представлении целостной картины, а не механистически раздробленном на пункты сухом тексте.

Известно, что колониальные поселения возникли во времена древнегреческой цивилизации, и позже были заимствованы римлянами, но по большей части в форме провинций. Проживание на территории колонии не всегда было автоматически равно

наличию римского гражданства, но при Цезаре ситуация изменилась⁴⁸. Макьявелли несколько раз обращается к этому факту, считая наличие подобных территорий безусловным благом для каждого государства, однако он ставит при этом ряд условий, которые будут способствовать безболезненному присоединению. В частности, к ним он относит единый язык (как на территории метрополии, так и на присоединяемой территории, либо же на новых землях, которые будут отнесены к ранее приобретенным). Хотя здесь и наблюдается явная ретроспектива, примеры он приводит из своего времени, а именно рассматривает военные действия Франции в Италии (в данном случае демонстрируется как раз неудача французского королевства в удержании Милана), и как удачный — собственно континентальные французские провинции, в которых говорят на французском языке⁴⁹.

Естественно, он показывает это как важное, но далеко не единственное условие. Главным, по мнению мыслителя, будет являться ликвидация правящей династии присоединяемой территории, а так же строгий запрет на изменение сложившихся там обычаев и недопущение введения каких-либо новых законов, способных вызвать народные возмущения⁵⁰. К последнему как подтверждение некоей целесообразности (разумеется, в соответствии с духом времени), следует добавить сведения о почти критическом положении, возникшем в Римской Империи в 9 г. н. э., когда введение римских порядков, законов и даже мер исчисления в еще не до конца завоеванной

⁴⁸ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Божественный Юлий, 8.

⁴⁹ Макиавелли Н. Государь. С. 22.

⁵⁰ Там же, с. 23

Германии привело к возмущению населения⁵¹, что впоследствии вылилось в заговор под руководством херусского вождя Арминия, в результате чего Римом в Тевтобургской битве были потеряны три боевых легиона⁵². Однако далее в своем труде Макьявелли оговаривает, что при наличии т.н. вольных князей удержать захваченную территорию не получится даже при свержении правящей династии, так как их ввиду многочисленности уничтожить не представляется возможным, и именно это было причиной частых неудач правления римлян в провинциях⁵³. Также к причинам проблем он относит и то, что римляне иногда не разоряли захваченные территории с их устройством, напоминая населению о свободных временах. Здесь он явно вступает в противоречие со сказанным раньше, но все так же приводит убедительные по его мнению примеры из прошлого⁵⁴.

По его мнению, наличие колоний требует еще большей осмотрительности от правительства метрополии по отношению к соседям, которые, видя угрозу своему «величию, из зависти» наверняка начнут предпринимать действия, направленные на приближение к расширяющемуся государству в расчете на получение с его помощью большей власти, которая, в свою очередь, позволит нанести удар⁵⁵. Римляне, по мнению Макьявелли, тем не менее, грамотно справлялись с данной проблемой, не позволяя «мелким» правителям обладать чрезмерной властью, не допуская их усиления, но при этом поддер

⁵¹ Dio's Roman History. LVI.18.

⁵² Там же, LVI.

⁵³ Макиавелли Н. Государь. С. 33.

⁵⁴ Там же, с. 35.

⁵⁵ Там же, с. 25.

живая из соображений пользы для себя, как, в частности, было при противостоянии с Македонией в войне 214-205 гг. до н. э.⁵⁶ и последующих⁵⁷.

Отходя от вопроса приращения территорий, мыслитель обращается уже к методам получения власти первым лицом государства, которые им делятся на честные и бесчестные⁵⁸. Если захват власти обманом он, естественно, относит к бесчестным, то когда власть «вручается» избранному на роль правителя, в этом нет ничего предосудительного. Тут мы можем вспомнить период правления солдатских императоров, который сложно вписать в данную схему, разве что рассматривая каждый случай в отдельности, поскольку посредством вооруженного переворота и убийства предыдущая власть свергалась, но при этом свергающие были и представителями армии Рима, и, соответственно, ее гражданами, что в некотором роде как раз могло указывать и на волю населения⁵⁹.

К этим же рассуждениям мы можем присовокупить его размышления по поводу военной силы. Немалая доля из рассматриваемого труда уделена изучению войск, и как только автор начинает говорить об их подразделении на различные виды, мы сразу можем понять его к ним отношение. Очевидно, что Макьявелли отрицательно относился к наемникам⁶⁰, и подобное отношение вполне объяснимо, учитывая политическую

⁵⁶ Полибий. Всеобщая история. С. 245.

⁵⁷ Макиавелли Н. Государь. С. 26.

⁵⁸ Макиавелли Н. Государь. С. 48.

⁵⁹ Рассел Б. История западной философии. С. 354; Макиавелли Н. Государь. С. 53; 92.

⁶⁰ Макиавелли Н. Государь. С. 63.

ю обстановку того времени, когда создавался «Государь», однако он отдает должное воинским способностям швейцарцев. Постоянное войско, принадлежащее республике, гораздо предпочтительнее наемного, считает Макьявелли⁶¹, и именно благодаря наличию собственной армии Рим долгое время оставался непобедимым, в отличие от со временных ему Флоренции и Венеции⁶². Именно наемничество и варваризация армии погубили Римскую империю⁶³. Здесь же мыслитель приходит к умозаключению, что по-настоящему хороший правитель, помимо обеспечения страны постоянным войском, сам обязан владеть воинским искусством. Им даже поднимается вопрос, достойны ли уважения правитель, который не является мастером военного дела и не проявляет к нему интереса⁶⁴. Хотя в этом месте его рассуждения довольно общие, поскольку даются в виде рекомендаций, они тем не менее наводят на некоторые мысли. В частности: еще при жизни Юлия Цезаря его относили к величайшим полководцам, после его смерти это положение сохранилось и до наших дней. Опуская тот момент, что императорская власть в годы его жизни все еще являлась властью чисто военной, а сам он был вынужден состоять в триумvirате, Цезаря принято все же относить и к правителям⁶⁵. Не смотря на обстоятельства его смерти, отрицать наличие уважения к нему у современников едва ли возможно. И когда мы вспоминаем наследовав

⁶¹ Там же, с. 65.

⁶² Там же, с. 66.

⁶³ Там же, с. 72.; Рассел Б. История западной философии. С. 355.

⁶⁴ Макиавелли Н. Государь. С. 74.

⁶⁵ Ю. В. Иванова, П. В. Соколов. Кроме Макиавелли. С. 69.

шего Цезарю Октавиана, будущего Цезаря Августа, не требуется обширных изысканий, чтобы понять, что сколь одаренным военачальником был предшественник, столь беспомощным в данном плане был наследник. Тем не менее, его политические навыки практически всегда позволяли первому императору поступать к наибольшей для себя выгоде, а так же выбирать нужных людей для исполнения задач, в которых сам Август был несведущ, чем и являлось военное дело, которое первоначально было поручено его соратнику Агриппе⁶⁶, а после пасынкам императора Друзу и Тиберию⁶⁷. И если отсутствие воинского таланта, по мнению Макьявелли, могло повлиять на отсутствие уважения к Августу, то решения его как политического деятеля и их последствия, заметные уже при жизни правителя, говорили сами за себя — все же не каждый государь мог удостоиться наименования эпохи своего правления «Золотым веком»⁶⁸. Характерно, кстати, и то, что все трое обозначенных выше военачальников зарекомендовали себя как прекрасные полководцы. Сменивший Августа Тиберий также пользовался уважением как в войсках⁶⁹, так и среди населения, хотя ближе к концу жизни многие авторы характеризовали его отрицательно, что, впрочем, являлось порой следствием личной неприязни⁷⁰. Между тем, Макьявелли уточняет необходимость для правителя иметь образец для подражания из истории, упоминая известный факт преклонения Цезаря перед Александром Македонским.

⁶⁶ Бейкер Дж. Август. Первый император Рима. С. 195.

⁶⁷ Луций Анней Флор. Эпитомы Титу Ливию. II.23.

⁶⁸ Рассел Б. История западной философии. С. 351-352.

⁶⁹ Марк Веллей Патеркул. Римская история. Книга II. LIV.4.

⁷⁰ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Тиберий, 1; 42.

Относительно того же Цезаря далее по тексту в главе «О щедрости и скупости» мыслитель рассматривает вопрос расточительности и⁷¹. Этот отрывок особо примечателен тем, что в предыдущей главе Макьявелли указывает, что для правителя естественно обладать свойствами, которые воспринимаются как пороки, но благодаря которым он поддерживает государство в благополучии⁷². И вот в следующей главе к числу данных пороков им относится скупость, поскольку именно благодаря ей страна не подвергается разорению. Тут же он встает на сторону воображаемого оппонента, который напоминает ему о щедрости Цезаря, которая порой граничила с расточительством, на что сам же отвечает, что щедрость позволительна при начальных этапах укрепления власти, дабы обеспечить склонность к себе окружения, и что подобное поведение Цезаря имело место как раз в период начала его прихода к власти⁷³.

Мы, в свою очередь, можем добавить к этому пример с его наследником Августом, который сразу после смерти диктатора ради склонения на свою сторону цезаревых легионов был вынужден продать свое имущество, чтобы получить хоть какие-то средства, поскольку наследство еще не было ему доступно⁷⁴, а также устраивал масштабные зрелищные игры для населения за свой счет⁷⁵. Как хорошо известно, впоследствии в период своего правления Август избегал каких-либо признаков роскоши в своей повседневной жизни, предпочитая «уклад пр

⁷¹ Макиавелли Н. Государь. С. 78-79.

⁷² Там же, с. 77.

⁷³ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Божественный Юлий, 26; 38; Макиавелли Н. Государь. С. 79.

⁷⁴ Бейкер Дж. Август. Первый император Рима. С. 31; 50.

⁷⁵ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Божественный Август, 10.

едков»⁷⁶. Естественно, утверждать, будто это совершалось им исключительно из беспокойства за бюджет империи, было бы слишком наивно, так как и современники понимали, что по большей части это является политическим ходом, вписывающимся в августовскую доктрину о возвращении к высоконравственному прошлому⁷⁷, но, как бы то ни было, подобные установки все же сказывались и на экономических процессах в государстве⁷⁸.

Однако не только расточительность может возбудить недовольство населения, но также излишняя жестокость⁷⁹, и напротив — нерешительность или легкомыслие⁸⁰. С этим сложно не согласиться, достаточно в первом случае вспомнить судьбу Нерона и Коммода⁸¹, а во втором — убийство Александра Севера⁸² и обстоятельства гибели Гелиогабала⁸³. Сам Макьявелли рассматривает подобные примеры наглядно с привлечением биографий целого ряда императоров на протяжении всей главы.

Завершение «Государя» представляется довольно неоднозначным. Последняя глава труда посвящена необходимости «избавления Италии от варваров» континентальной Европы, давно уже делящих ее города меж собой, причем варваров, которые вполне могли бы быть побеждены и изгнаны, если бы лучшие итальянские солдаты под предводительством того самого государя, которого следовало избрать по представлению

⁷⁶ Публий Корнелий Тацит. *Анналы* / Пер. с лат. А.С. Бобовича. М.: АСТ: Астрель, 2010. 505 с. Книга III, п. 25. С. 113.

⁷⁷ Публий Корнелий Тацит. *Анналы*. Книга III, п. 26. С. 113.

⁷⁸ Рассел Б. *История западной философии*. С. 353.

⁷⁹ Макиавелли Н. *Государь*. С. 83.

⁸⁰ Там же, с. 88.

⁸¹ Там же, с. 91-92.

⁸² Там же, с. 93.

⁸³ Рассел Б. *История западной философии*. С. 361; Кравчук А. *Императоры*. С. 309.

му мыслителем руководству, выдвинулись против них, поскольку все эти захватчики в чем-то имеют значительный недостаток, потому и терпят постоянные поражения друг от друга⁸⁴. Поэтому он поднимает вопрос о необходимости создания единого войска, единого для всей Италии, которое смогло бы избавить ее от иностранного гнета. Следует заметить, что Италия, на тот момент страной по сути не являлась, но Макьявелли в местах, посвященных вопросам создания новых войск говорит именно об освобождении «Италии», а не каких-то отдельных княжеств.

Разумеется, первой ассоциацией при прочтении данного отрывка будет воспоминание об устройстве военного аппарата Древнего Рима. При установлении Империи в ее распоряжении имелись 28 легионов, из которых три квартировались как преторианские в самом Риме, и прочие стояли на страже границ в провинциях, являясь также средством усмирения местного населения⁸⁵. В то время в легионы набирали преимущественно жителей «старой» Империи, тому же малому проценту германцев, галлов и прочих варваров, что составляли меньшинство, при поступлении на службу даровалось римское гражданство⁸⁶. При Августе продолжительность службы увеличивается⁸⁷, создаются ветеранские корпуса, армия становится постоянной, империя достигает расцвета своей военной мощи, приобретает устойчивые границы⁸⁸. Но уже сп

⁸⁴ Макиавелли Н. Государь. С. 121.

⁸⁵ Август. Деяния божественного Августа . С. 3.

⁸⁶ Машкин Н.А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. С. 511.

⁸⁷ Публий Корнелий Тацит. Анналы. Книга I, п. 36. С. 27.

⁸⁸ Холланд Р. Октавиан Август. Крестный отец Европы. С. 338.

устя два-три века мы наблюдаем начало упадка, экономические кризисы, римскую армию пополняет все большее количество наемников из числа варваров, наблюдается так же и варваризация населения⁸⁹. Волны завоеваний и опустошений вечного города, следовавшие одна за другой вкупе с описанными выше процессами, в конечном итоге привели к падению Империи и образованию на ее территории государства уже иного, средневекового порядка.

Опасался ли Макьявелли подобного поворота колеса истории для Италии, как прямой территориальной и этнической наследницы Аппенинской части Римской империи? Учитывая его интерес к древней истории, и зачастую поиска опоры в ней для своих рассуждений — безусловно. Говоря по большому счету, подобное уже началось — ее территория раздроблена под властью чужеземцев, и спасение может быть только в единстве ее городов и населения, управляемых крепкой рукой истинного и идеального государя⁹⁰. Его труд — не только руководство, но и воззвание, воззвание к определенному человеку, столь многозначительно завершенное стихотворением Петрарки⁹¹, которое так же говорит нам о многом. Италия утратила свою доблесть, и потому потеряла свою свободу⁹².

Как известно, ни при жизни самого Макьявелли, ни в течение жизни ближайших поколений его мечте об объединенно

⁸⁹ Рассел Б. История западной философии. С. 359; Макиавелли Н. О военном искусстве. Книга II. С. 533.

⁹⁰ Рассел Б. История западной философии. С. 631.

⁹¹ Макиавелли Н. Государь. С. 122.

⁹² Там же, с. 272.

й свободной Италии не суждено было сбыться⁹³, и, тем не менее, данная работа до настоящего времени не теряет своей актуальности.

1.2. Государственный интерес против Государя: Джованни Ботеро

Очевидно, что при рассмотрении вопроса античного наследия в текстах Нового времени, потребуются анализ трудов не только известных авторов того периода, чьи имена указаны в теме данной диссертации. Большую ценность для исследования для нас также представляют сочинения современников, критикующие данных мыслителей, поскольку те зачастую прибегали в своей критике к крайне интересным сравнениям своих оппонентов с личностями античного периода, вычленяя в них нечто общее, что, по их мнению, заслуживало порицания. Именно благодаря этим замечаниям такие произведения являются не менее важными для нашего исследования, чем те, чьих авторов в них подвергали остракизму, поскольку это напрямую соответствует тематике диссертации.

Так, в частности, одним из наиболее заметных представителей среди личностей, отличающихся выраженным негативным отношением к Макьявелли и его трудам, является Джованни Ботеро. В первую очередь, обращает на себя внимание то, что рассматриваемое произведение – единственное, где Макьявелли им упоминается, причем делается это лишь во вступлении, однако как дальнейший

⁹³ Рассел Б. История западной философии. С. 634.

текст письма, так и сами труды данного автора говорят сами за себя⁹⁴. В письме к зальцбургскому князю под названием «О государственном интересе» Ботеро излагает свои размышления относительно власти князей и управления государством, причем в первых же строках сравнивает Макьявелли с Тацитом, поскольку по его разумению оба в своих трудах занимались схожим делом — описанием тиранического правления и того, что для этого необходимо, а также Тиберием⁹⁵. Особенный гнев у него вызывает то, что, по его мнению, Макьявелли одобряет «бессовестные» методы властвования последнего, приводя в пример закон об оскорблении императорского величия, принятый еще при Августе и расширенный при Тиберии⁹⁶. Прежде всего, стоит отметить, что в случае этого примера мы считаем возможным для себя судить о том, был ли Ботеро действительно объективен в своем взгляде на излагаемую Макьявелли концепцию правления, позволяя себе подобные сравнения. В первую очередь, при прочтении его произведения и хронологически и по содержанию из написанного отчетливо следует христианская, католическая ориентированность автора, через призму которой он пропускает все рассматриваемые им явления с целью их оценки. Именно в этом моменте мы находим наиболее очевидную параллель для сравнения флорентийского политика с древнеримским императором — и того, и другого Ботеро обвиняет в «антихристианизации». По мнению Ботеро, способ правления, описываемый Макьявелли, является своеобразной сделкой с совестью, чего божеский человек допускать не должен, поскольку именно решением государственных вопросов «п

⁹⁴ Ю. В. Иванова, П. В. Соколов. Кроме Макиавелли. С. 39.

⁹⁵ Там же, с. 163.

⁹⁶ Публий Корнелий Тацит. Анналы. Книга III, п. 24. С.112.

о совести», а не в самих государственных интересах, должен руководствоваться каждый богобоязненный правитель, все же и прочие способы — лживы и потому противны Богу так же, как и те, кто их использует⁹⁷.

Интересен для рассмотрения и следующий момент. Ботеро полагает, что большие размеры государства обеспечивают ему бóльшую безопасность, но при этом оно легко может быть развалено изнутри: благодаря своему величию подобная империя обречена погрязнуть в пороке, поскольку сильная империя богата, а богатство ведет к роскоши, убивающей добродетель⁹⁸. Ранее у Макиавелли мы видели не в полной мере противоположное, но значительно отличающееся мнение о том, что для процветания государства необходима богатая казна и знающий, когда следует проявить щедрость, правитель⁹⁹. Ботеро же на примере плеяды римских императоров убедительно, как ему кажется, доказывает, что потеря доблести служила одной из первопричин падения империи (хотя конечно же сейчас мы понимаем что «доблесть» является слишком расплывчатым понятием и явно не является ультимативно единственным качеством для хорошего правителя; Макиавелли также очень часто использует это понятие, но в явно отличном смысле¹⁰⁰). При этом он утверждает, что времени вернуться к некогда процветающему состоянию Риму помогли императоры и полководцы, римлянами не являвшиеся, и потому не погрязшими в губительных пороках, однако за вершает свой пример тем, что именно варвары, т.е. по сути те

⁹⁷ Ю. В. Иванова, П. В. Соколов. Кроме Макиавелли. С. 164.

⁹⁸ Там же, с. 172.

⁹⁹ Макиавелли Н. Государь. С. 77; 79.

¹⁰⁰ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Книга I, глава X. С. 157-161.

же не-римляне, состоявшие на службе империи, погубили ее окончательно¹⁰¹.

В целом во всем письме Ботеро прослеживается сильный упор автора на необходимость правителя к стремлению быть добродетельным в том плане, чтобы он возвышал «свой дух» для достижения божественного величия¹⁰², поскольку лишь такому правителю следует подчиняться всем прочим, как бы стоящим ниже него, и неявное, но постоянное, дозируемое и контролируемое насаждение этой добродетели подданным¹⁰³, в отличие от «профилактического» насилия Макьявелли¹⁰⁴, необходимого потому, что по его мнению люди злы и при случае всегда готовы показать это¹⁰⁵. Также для Ботеро естественно, что такие положительные качества передаются через кровное родство — вполне очевидный пассаж для речи, оправдывающей наследственную монархию и порицающей тиранию. Данные высказывания в значительной степени напоминают сентенцию о «Божественном праве королей». Потому ничего неожиданного нет и в списке приведенных им ниже добродетельных правителей, в который им были включены исключительно христианские императоры и европейские монархи, а так же длинный ряд пап¹⁰⁶.

Несмотря на то, что Ботеро явно не причислял Тиберия к разряду «благочестивых» правителей, он все же отмечает, что тот не совершал перегибов в фискальной политике, в отл

¹⁰¹ Ю. В. Иванова, П. В. Соколов. Кроме Макиавелли. С. 173.

¹⁰² Там же, с. 177.

¹⁰³ Ю. В. Иванова, П. В. Соколов. Кроме Макиавелли. С. 44.

¹⁰⁴ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Книга III, глава I. С. 359.

¹⁰⁵ Там же, книга I, глава III. С. 138.

¹⁰⁶ Ю. В. Иванова, П. В. Соколов. Кроме Макиавелли. С. 177.

ичие от наследовавшего ему Калигулы, а так же отдает должное склонности Тиберия к напоминаниям о необходимости судьям соблюдать законы и помнить о своих обязанностях — что до сего времени сохранили и венецианские князья. Ростовщикество он считает грабительством, погубившим в свое время римлян в Средней Азии, и достойны похвалы те правители, что способны его сдерживать. К последним он относит Цезаря¹⁰⁷.

Государь по Ботеро также обязан быть сочувствующим своему народу, и помимо христианских правителей, он разбирает для наглядности и деяния древних. В качестве примера им был приведен припадок императора Августа, произошедший с тем после получения известий о Тевтобургской битве 9 г. н. э.¹⁰⁸, видимо, по мнению Ботеро, Августом симитированный, дабы показать римскому народу свое потрясение утратой трех легионов¹⁰⁹. Хотя некоторые античные авторы также не были уверены в искренности этого поступка, не стоит забывать, что хотя Германия и не была полностью завоевана к тому времени, но обстановка в ней все же казалась достаточно стабильной, а сам Август был полностью уверен в наместнических способностях Квинтилия Вара¹¹⁰. Потеря же трех легионов из двадцати восьми также являлась довольно ощутимым ударом как в военном, так и экономическом отношении, поскольку требовала огромных затрат на восстановление утерянного контингента и вооружения, не говоря уже о некоторой потере позиций Рима на германской территории¹¹¹. К тому же следует помнить, что

¹⁰⁷ Там же, с. 180; 189; 184.

¹⁰⁸ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Божественный Август, 23.

¹⁰⁹ Ю. В. Иванова, П. В. Соколов. Кроме Макиавелли. С. 192.

¹¹⁰ Марк Веллей Патеркул. Римская история. Книга II. XXX.

¹¹¹ Публий Корнелий Тацит. Анналы. Книга III, п. 40-47. С. 121-124.

на тот момент Август был уже пожилым человеком (он умер в 14 г. н. э. в возрасте 76 лет¹¹²), что так же могло повлиять на его знаменитую сдержанность, поэтому мы со своей стороны сомневаемся в подобной оценке Ботеро этого поступка.

Тем не менее, замечает он далее на примере Марка Аврелия, отказ от своего имущества в пользу народных нужд также помогает завоевать расположение народа¹¹³. Это мнение справедливо и в отношении Августа, который, как говорилось ранее, предпочитал скромную жизнь в быту, обустроенном лишь силами женщин своей семьи¹¹⁴. Стоит еще заметить, как Ботеро разграничивает понятие короля (царя) и тирана, и в чем видит их отличие. Правителю следует избегать как просто щедрости, пусть даже в отношении людей достойных, так и расточительности, приводящей к ограблению собственного народа, что и будет являться настоящей тиранией. Например, Нерон является настоящим тираном, поскольку ради одаривания своих приближенных совершал настоящие грабежи и убийства людей состоятельных, но достойных, в отличие от тех, кому эти дары преподносились¹¹⁵. Подарки подданным необходимо раздавать строго умеренно, словно «подпитывая», по выражению Ботеро, их расположение к себе¹¹⁶.

Даже при не самом строгом рассмотрении двух приведенных выше работ, мы можем явственно отметить, что на самом деле в основных тезисах разница между ними не столь велика, а в целом заметно даже сходство общих

¹¹² Холланд Р. Октавиан Август. Крестный отец Европы. С. 339.

¹¹³ Ю. В. Иванова, П. В. Соколов. Кроме Макиавелли. С. 193; Рассел Б. История западной философии. С. 354.

¹¹⁴ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Божественный Август, 51; 64.

¹¹⁵ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Нерон, 30.

¹¹⁶ Ю. В. Иванова, П. В. Соколов. Кроме Макиавелли. С. 195.

положений. Естественно имеющееся различие в подаче материала, но это вполне ожидаемо даже при рассмотрении разных работ одного автора. В любом случае, перед нами не стоит задача сравнивать рассмотренные произведения, мы были заинтересованы в выяснении того факта, прибегали ли критики к тем же методам обращения к древности, какими пользовались критикуемые авторы, и в данном случае это подтвердилось. В дополнение ко всему сказанному, труд Ботеро особо интересен для нас тем, что он тоже является политическим, о чем свидетельствует уже одно его название¹¹⁷. Подводя итог, мы можем выделить несколько положений, которые в настоящее время ставятся в заслугу Макьявелли, как политическому мыслителю, считаясь новаторскими, и при этом часть их считалась безнравственными его современниками.

1) Им было проведено разделение власти и морали как не соотнобразующихся меж собой понятий – в том плане, что в вопросах политики, по мнению Макьявелли, наблюдателям важен конечный результат, средства же будут ими проигнорированы, если результат будет удовлетворительным;

2) отказ от провиденциализма – история у Макьявелли свершается посредством материалистических, естественных причин, а не с помощью божественного предначертания событий;

3) вывод о том, что излишняя толерантность в политической сфере является губительной и для государя, и для населения, в то время как отсутствие боязни «прослыть жестоким», воздав

¹¹⁷ Там же, с. 163.

справедливое наказание заслуживающим его лицам, пойдет на пользу всем, поскольку наказаны будут лишь виновные;

4) введение термина «государство» как унифицирующего, т.е. стандартного по большинству признаков в смысле, наиболее приближенном к представляемому современными определениями, и выделение при этом политики в самостоятельную сферу деятельности.

Таким образом, Макьявелли и по сей день представляется современным мыслителем благодаря его взглядам на ход истории и того, какой должна быть политика, творимая не богом, но людьми («Бог не все исполняет сам»), и как следствие, необходимости разбираться в их собственных мотивах, причинах и стремлениях – именно это и показывает его вневременной рационализм.

Что же касается обращения Макьявелли к античным источникам, то мы видим, что он совершает его очень часто, и делает это в каждом из своих сочинений. Еще интереснее то, что среди политических мыслителей именно Макьявелли уделяет наибольшее внимание возможности воплощения на практике древнеримских институтов военной и политической сфер. Более того, в своих работах он буквально утверждает, что возвращение к их соблюдению будет шагом, который приведет государство к благу. Конечно, именно в этом отношении Макьявелли уже сложно видеть все тем же рациональным политическим автором, каким он представляется без учета его слабости к подражанию античным образцам. Тем не менее, его можно понять как человека, знающего историю древности, чьим идеалом государственного устройства являлась римская республика.

Глава II. Подражание античной традиции в политических трудах Нового времени посредством косвенного заимствования идей

2.1. Гвиччардини: история в политике

В данном разделе мы перейдем к изучению основного политического труда итальянского историка Франческо Гвиччардини «Записки о делах политических и гражданских»¹¹⁸. Этот мыслитель был выбран, можно сказать, из «динамического» интереса – знакомый с Макьявелли и являющийся его соотечественником, он все же принадлежал к младшему поколению, и это послужило для нас мотивацией проследить на примере его работ возможное изменение взглядов представителя образованной и относительно обеспеченной прослойки итальянского общества на окружающую действительность.

Практически в самом начале названного труда Гвиччардини содержится фраза, что в рассказе Тацита мы можем узнать мысли тиранов, высказанные Августом перед смертью его наследнику Тиберию, таким образом явно обозначая свое отношение к методам правления данных императоров¹¹⁹. Однако интересно в отношении этой фразы то, что неясно, о каком именно рассказе идет речь. Никому не известно, о чем на самом деле беседовал перед смертью с Тиберием Август, и вообще состоялась ли эта беседа в действительности. До нас дошел лишь своеобразный анекдот, будто Август высказался

¹¹⁸Гвиччардини Ф. Сочинения. 550 с.

¹¹⁹ Там же, с. 114.

о будущем правлении Тиберия в том духе, что ему жаль римский народ¹²⁰, хотя у этого выражения есть вариации в виду разного истолкования¹²¹, но едва ли Гвиччардини имел в виду именно это. Интересно и то, что уже который раз взоры рассматриваемых авторов обращаются именно к Тиберию как образцу правителя-тирана, в чем мы уже могли убедиться во втором разделе первой главы, и Тациту, как автору, у которого можно все узнать о тирании¹²². Об этом же Гвиччардини упоминает далее, утверждая, что Тацит не просто описывает правления тиранов – он учит самой тирании¹²³. Такое заявление достаточно необычно, учитывая отношение самого Тацита, поборника старых нравственных устоев, к авторитарным правителям, но, принимая во внимание, что Гвиччардини сам являлся историком, мы можем приписать это к его личным впечатлениям, нежели какому-то объективному выводу.

Следует отдельно оговорить тот факт, что Гвиччардини показывает себя явным фаталистом в одном из отрывков своего труда¹²⁴, приводя при этом в пример жизнь Фабия Максима. По его мнению, невзирая на все способности человека, судьба все же является решающим фактором, который определяет все, и который нельзя преодолеть, и по этой причине хорош будет тот правитель, что родился в подходящую ему эпоху – с учетом особенностей его характера и дарований. При этом далее мы находим у него соглашение с положением о цикличности истории и, как следствие, необходимости учета прошлых событий для предсказания

¹²⁰ Бейкер Дж. Тиберий, преемник Августа. С. 130.

¹²¹ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Тиберий, 31.

¹²² Гвиччардини Ф. Сочинения. С. 204.

¹²³ Там же, с. 115.

¹²⁴ Там же, с. 121.

будущих¹²⁵. Тот же Макьявелли, близкий приятель Гвиччардини, также пользовался этой идеей, взятой у Полибия, несколько переработав ее на свой лад, но вполне объяснимо, что окончательно она оформилась лишь к девятнадцатому столетию, когда были выделены основные периоды этих циклов¹²⁶. Эти моменты заостряют на себе внимание по той причине, что если провиденциализм вполне вписывается в рамки христианского, католического мировоззрения, обладателем которого являлся Гвиччардини, то идея замкнутости цикла исторического процесса уже явно шла с ним вразрез, поскольку христианство полагает исторический процесс человечества линейным и конечным, завершающимся со Страшным Судом. Впрочем, подобное было вполне в духе того времени – если средневеково-церковного авторитета в подтверждение своих изысканий предоставить не удавалось, можно было опереться на авторитет античности¹²⁷.

Сходное с Макьявелли положение Гвиччардини выводит в пункте о снисхождении к врагам. По его мнению, оно допустимо лишь в случае, когда данный шаг не будет иметь последствий – т.е. когда враг уже не будет способен совершить что-либо во вред победителю. Причем данное решение должно быть продиктовано не просто жалостью к лицу, которое уже не может нанести какой-либо урон, но с целью вызвать к себе расположение населения. В

¹²⁵ Там же, с. 134.

¹²⁶ Дианова В. М. Философия истории: преемственность, параллели, развитие [Электронный ресурс] // Рабочие тетради по компаративистике. / Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб. Web-кафедра философской антропологии, 2003. С.55-60. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/dianova-vm/filosofiya-istorii-preemstvennost-paralleli-razvitie> (дата обращения: 26.11.2017)

¹²⁷ Рассел Б. История западной философии. С. 618.

случае же возможной угрозы со стороны побежденных их уничтожение должно быть обязательным, дабы не потерять данное победой преимущество¹²⁸. Тут он руководствуется примером Юлия Цезаря, не упоминая конкретного случая, но из биографии полководца мы самостоятельно можем назвать их целое множество, из которых наиболее известные - это расправа над пиратами и бутовщиками в военном лагере¹²⁹.

Нельзя обойти стороной тот факт, что в части исторической ретроспективы и использования наследия предков в современной жизни Гвиччардини кажется несколько более рациональной личностью, нежели Макьявелли. Об этом говорит его выражение¹³⁰ в одном из дальнейших пунктов его труда, где он справедливо замечает, что методы, которыми пользовались в Риме, работать будут лишь на тех же условиях, которые тогда существовали. Но подобное мнение, конечно же, не мешает ему обращаться к опыту прошлого, показывая, к каким последствиям приводят порой для зачинщиков поднятие восстаний на примере судьбы убийц Цезаря или отношение римлян к своему здоровью¹³¹. Также

Гвиччардини выражает солидарность с Макьявелли в отношении к устройству древнего войска и войн, которые тогда велись, полагая, что если исторические сведения о них правдивы, то нынешние войска и сражения являют собой зрелище неприглядное и не учащее ничему¹³². Характерно,

¹²⁸ Гвиччардини Ф. Сочинения. С. 133.

¹²⁹ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Божественный Юлий, 4; 67; 69; 74.

¹³⁰ «Как ошибаются те, кто при каждом слове ссылаются на римлян. Нужно было бы жить в городе, находящемся в таких же условиях, как Рим, а потом уже управлять по этому примеру; при разности условий это так же несообразно, как требовать лошадиного бега от осла». Гвиччардини Ф. Сочинения. С. 143.

¹³¹ Гвиччардини Ф. Сочинения. С. 146; 173.

¹³² Гвиччардини Ф. Сочинения. С. 173.

что, как и его старший товарищ, он упоминает утерю доблести современными военачальниками. Не исключено, что, по его мнению, также не самое лучшее положение Италии на тот момент времени было следствием именно этого процесса. Косвенно это подтверждается его дальнейшим высказыванием о свободной Италии¹³³. Надо заметить, что императорскую власть в Риме Гвиччардини считает насильственной, как, впрочем, любую государственную власть, представленную единоличным правлением. Идеальным политическим устройством для него является республика¹³⁴. Как Макьявелли полагал необходимым истребление правящей династии на захваченной земле, так Гвиччардини считал необходимым истребление рода тиранов как единственный способ получения свободы. Недостаточно свергнуть самого тирана, поскольку всегда найдутся сторонники тирании, желающие продолжать жить прежней жизнью, и с этой целью они будут поддерживать уже его потомков. По этой причине он не считает упоминаемый у Тита Ливия инцидент с убийством дочерей сиракузских тиранов чем-то избыточным – по его выражению это хоть и жестокое, но имеющее основания решение¹³⁵.

Если говорить о Гвиччардини в контексте его изученности, то в русскоязычной среде он значительно затенен своим предшественником. Едва ли уместно будет заявлять, насколько это оправданно, исходя из содержания работ двух итальянских авторов, поскольку «История Италии» Гвиччардини является не менее значимой работой, нежели

¹³³ Там же, с. 181.

¹³⁴ Там же, с. 181; 203.

¹³⁵ Там же, с. 218.

«История Флоренции» Макьявелли. В ином свете этот вопрос предстает, когда мы принимаем во внимание, что на русский язык переведенным с 1934 года остается лишь одно издание, которое было рассмотрено нами выше, и как следствие, доступность его широким массам. Тем не менее, обращение к этой работе и ее цитируемость являются достаточно высокими, что уже само по себе говорит о ее сохраняющейся по сей день актуальности.

По частоте обращений Гвиччардини к древнеримской истории можно определенно сказать, что невзирая на те же республиканские идеалы, что и у Макьявелли, он все же не испытывал столь большого пиетета перед деяниями древности. Порой его высказывания даже говорили о противоположном отношении, о том, что было в прошлом такого, чего стоит избегать. Тем не менее, сам факт подобных упоминаний в его сочинении говорит о том, что сведения античного периода являлись для него таким же подспорьем в работе, как и события истории современной. Признавая важность истории, Гвиччардини все же предпочитал не следовать ей во всем, а действовать, исходя из обстоятельств современности.

2.2 Гроций: римское наследие как основа международного права

В этой части исследования мы изложим свое рассмотрение труда выдающегося голландского юриста под названием «О праве войны и мира». Интересным представляется тот момент, что этот труд создавался уже в

семнадцатом столетии, но на схожих с предыдущими работами условиях. Разница заключалась лишь в масштабах: если итальянские мыслители трудились в период раскола Италии, то Гроций писал свою работу в условиях общеевропейского раскола, как политического, вследствие Тридцатилетней войны, так и религиозного - по итогам завершившейся Реформации. Отдельного внимания заслуживает то обстоятельство, что некоей точкой пересечения для уже рассмотренного Макьявелли и самого Гроция был религиозный вопрос. Итальянский мыслитель полагал, что христианство понимается Католической церковью неверно, и более того - извращается, что и ведет к упадку государства¹³⁶. Гроций же, как уже замечено, жил в век конфессионализации, когда положения, подобные тем, что были высказаны Макьявелли, и являлись причиной реальных конфликтов, «войн вер», и потому вполне очевидно, что этот процесс не мог не повлиять на него.

Оговоримся, что по роду своей деятельности Гроций был прекрасно знаком с античными классическими и юридическими произведениями, поэтому в рассматриваемой работе не составляет большого труда отыскать отсылки к интересующему нас периоду. Однако значительная часть приводимых Гроцием ссылок дается на высказывания из множества литературных произведений¹³⁷, либо изречения одного автора - Цицерона, и мы, в свою очередь, будем рассматривать лишь те из них, которые наиболее широко отражают античную действительность, не являясь единичным случаем либо

¹³⁶ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Книга вторая, глава II. С. 271.

¹³⁷ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 53.

крылатым выражением, употребляемым уже без исторического контекста.

«О праве войны и мира» является, по сути своей, беспрецедентным трудом из области международного права, и об этом же считает нужным сообщить сам Гроций во введении к своей работе. Уже там он замечает, что отношение римлян к военному времени было таким, каким ему следует быть согласно «естественному, неписанному» праву, несмотря на то, что внутригосударственные законы могут быть приостановлены в силе, сама война должна быть справедливой, как это было в древности, и о чем говорят сами древние¹³⁸. Он также выступает сторонником мнения, что примеры из истории приносят пользу, особенно если эти примеры заимствованы у тех народов, что достигали наибольшего величия, и именно к таким он относит и народ Рима¹³⁹.

Далее, уже в самом тексте первой из трех книг трактата Гроций ставит вопрос о допустимости войны вообще¹⁴⁰, и приходит к выводу, что естественное право, по которому существует человеческое общество, не запрещает ведение войн. Подтверждение своему выводу он находит сразу в нескольких трудах Цицерона, Иосифа Флавия, Ульпиана, Диона Кассия и Тита Ливия¹⁴¹. Его собственное размышление с опорой на слова античных авторов таково, что война допустима, поскольку возникает как реакция на нарушение чьего-то права, и в случае применения силы отражать ее, отстаивая свои законные права, следует также силой¹⁴².

¹³⁸ Там же, с. 49.

¹³⁹ Там же, с. 55.

¹⁴⁰ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 82.

¹⁴¹ Там же, с. 87; 84; 85; 88.

¹⁴² Там же, с. 84; 86-87.

Особо показательным является приведенный Гроцием инцидент, касающийся биографии Цезаря в период его противостояния с Катон¹⁴³. Гроций не отрицает, что Катон требовал выдачи германцам диктатора скорее из собственных соображений «безопасности Рима», нежели той справедливости, которую должно было соблюсти при ведении этой малой войны в Галлии, и которую Цезарь нарушил. Тем не менее, из этого складывается интересное умозаключение: так как Цезарь напал на германцев во время перемирия, вдобавок вторгшись на их территорию, он нарушил законы справедливой войны, и в этих обстоятельствах даже не германцы, а сам Рим должен был выдать его пострадавшей стороне в качестве наказания¹⁴⁴.

Как демонстрацию подобного примера несправедливо начатой войны Гроций приводит войну Октавиана, будущего Августа, с Антонием, поскольку, во-первых, Антоний не заслуживал даже того отношения, что выказывалось ему, а во-вторых – Октавианом не было получено ни разрешение сената на ведение этой войны, ни на то, чтобы ее вел именно он, если бы такое разрешение им было получено¹⁴⁵. Разрешение следовало получить не только у сената, но и народа Рима. Однако далее Гроций оговаривает, что народ далеко не всегда является обладателем власти, и, следовательно, ему не стоит прибегать к свержению правителей-узурпаторов, поскольку это может привести лишь к большим проблемам¹⁴⁶. Порой правление одного лица является – и кажется народу – куда

¹⁴³ Там же, с. 125.

¹⁴⁴ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. II. Катон, п. 49-51. С. 252-253.

¹⁴⁵ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 125.

¹⁴⁶ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 127.

большим благом, чем народовластие, и подобным правлением он считает период правления Августа¹⁴⁷.

Тем не менее, власть царская рассматривается им как противоположность свободе народа, и это не только слова самого Гроция¹⁴⁸ – в данном случае он опирается на высказывания древних¹⁴⁹. При этом он соглашается с высказыванием Ливия, что власть консулов, по сути, неотличима от власти царя ничем, кроме своей продолжительности¹⁵⁰. Сравнивая положение клиентов и патронов с союзническими, Гроций утверждает, что они подразумевают под собой верность, но не подчинение¹⁵¹. Здесь он не говорит о том, что союзник, состоящий под покровительством, освобождается от соблюдения определенных условий, приводя в пример высказывание Страбона¹⁵². Он указывает, что подобное положение не дает права государству-покровителю вмешиваться во внутренние гражданские дела государства-подопечного, и римляне следовали этому установлению¹⁵³.

Вторая книга трактата начинается с определения причин войны, которые можно назвать справедливыми. Гроций отмечает, что уже у Полибия указано о причинах справедливых и причинах, продиктованных иными соображениями. Римляне, в соответствии с историописанием Тита Ливия¹⁵⁴ и Диона Кассия¹⁵⁵, одерживали победы именно вследствие того, что использовали обоснованные поводы к

¹⁴⁷ Там же, с. 128.

¹⁴⁸ Там же, с. 136.

¹⁴⁹ Там же, с. 142.

¹⁵⁰ Там же, с. 144.

¹⁵¹ Там же, с. 145.

¹⁵² «...сохранили свободу, выполняя лишь государственные повинности...» Гроций Г. О праве войны и мира, с. 146.

¹⁵³ Там же, с. 146.

¹⁵⁴ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 185

¹⁵⁵ Там же, с. 186.

войне, т.е. сообразующиеся со справедливостью¹⁵⁶.

Интересно, что руководствуясь римским правом и прецедентами из истории, Гроций настаивал на т.н. «свободном море» - морском пространстве, которое не могло входить ни в чьи владения, и, следовательно, никакое государство не может объявить его воды своей собственностью, закрытой для других¹⁵⁷. Это проистекает из естественного права, по которому все, что было создано природой, является общим для всех людей¹⁵⁸. Тем не менее, реки и морские берега могут входить в собственность (на примере Гроция - римского) народа, и также допускается овладеть той частью моря, что замыкается сушей. Море - это территория истинной свободы, что, по мнению Гроция, доказывает проведенная Цезарем казнь пиратов, совершенная именно на море, а не на суше¹⁵⁹.

В этой же части своего труда Гроций рассматривает вопрос наследования Римской империи, а именно - кого можно считать ее преемником на тот момент времени, т.е. в XVII столетии. Этот вопрос интересует его с точки зрения принадлежности территорий, которые империя занимала¹⁶⁰. По его мнению, считать современные ему германские земли наследующими Риму - неправильно, поскольку эта часть Германии долгое время не подвергалась завоеваниям и потому не входила в состав империи длительное время. Рассматривая же положение в древности, он указывает, что все население, проживающее на территориях империи, было римским народом, ибо имело

¹⁵⁶ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 424.

¹⁵⁷ Там же, с. 219.

¹⁵⁸ Там же, с. 220.

¹⁵⁹ Там же, с. 460.

¹⁶⁰ Там же, с. 315.

римское гражданство (институт которого сформировался к IV в. до н. э.), и то, где предпочитал находиться римский император, не влияло на права населения империи, как показал случай, произошедший в Константинополе при попытке отдать правление женщине, что противоречило римским обычаям¹⁶¹. Однако тут необходимо учитывать и существование латинского гражданства, стоящего по широте прав ниже римского, но в I в. до н.э. его носители уже были объявлены римскими гражданами. «Варвары» же, к которым относились в т. ч. и германцы, в полной мере своей стали гражданами лишь ближе к V в. н.э. в процессе собственно варваризации империи. С учетом этого, вывод Гроция кажется вполне обоснованным.

Важным по утверждению Гроция является вопрос посольства. Посольства и послы являются неприкосновенными и были таковыми с начала истории их появления, и эта неприкосновенность должна соблюдаться и впредь¹⁶². Более того, по его мнению, посольству можно отказать в приеме, но если его представители находятся на территории иного государства, они не должны подвергаться суду и наказаниям, невзирая на противоправные деяния. Следуя словам Тита Ливия, он называет это соблюдением права народов¹⁶³. Если на преступление нельзя закрыть глаза, вместо наказания должно следовать изгнание и требование

¹⁶¹ «Нерон в четырнадцатой главе «Летописи» Тацита обвиняет свою мать в том, что она «питала надежду на соучастие в верховной власти, на то, что преторианские когорты принесут присягу женщине, к великому позору сената и народа». Приск в «Извлечениях о посольствах» говорил: «Власть в Римском государстве принадлежит не женщинам, а мужчинам». Лампридий после смерти Гелиогабала говорил: «Прежде всего было предусмотрено, чтобы никогда женская нога не вступала в сенат, чтобы голова того, кто окажется виновником в этом, была посвящена и предназначена подземным богам». Требеллий Поллион заявляет Геренниану: «Овладев властью, Зиновия правила государством дольше, чем было прилично женщине». Гроций Г. О праве войны и мира. С. 316.

¹⁶² Гроций Г. О праве войны и мира. С. 427.

¹⁶³ Там же, с. 430.

выдачи, как было у римлян по сведениям Полибия и повторялось позднее уже в других государствах¹⁶⁴. Наверно, излишним будет отмечать, что подобные положения включает в себя и современная дипломатия.

Упомянув тему наказаний, Гроций переходит к рассмотрению их применения уже в области уголовного права. В частности, он выносит на рассмотрение мнение о том, что подвергать наказанию следует не только за совершенное преступление, но также и за умысел в его свершении, подтверждая это высказываниями Сенеки и Цицерона¹⁶⁵. Однако тут же он ссылается на Тита Ливия, а именно на его утверждение, что без предприятия каких-либо действий намерение не может быть наказуемо¹⁶⁶, и поэтому война, которую Рим собирался объявить Персею, была бы справедливой – ведь если бы тот не сумел объяснить, для чего им были собраны флот и армия, то становились очевидны как его намерения напасть на римлян, так и, естественно, предпринятые к этому действия¹⁶⁷.

Также справедливой будет являться война, начатая в защиту союзников и подданных. Те же римляне, по утверждению Гроция, если и не стремились начинать войну ради помощи союзникам, то часто начинали ее с целью защиты тех, кого обратили в свое подданство, как было с жителями Кампаньи¹⁶⁸. О том же говорит и Цицерон¹⁶⁹.

В книге третьей Гроций переходит к рассмотрению войны, являющейся справедливой,

¹⁶⁴ Там же, с. 431.

¹⁶⁵ Там же, с. 479.

¹⁶⁶ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 480.

¹⁶⁷ Там же, с. 479.

¹⁶⁸ Луций Анней Флор. Эпитомы Титу Ливию. I, 11.

¹⁶⁹ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 558.

относительно права народов. В каждой войне есть стороны, именующие друг друга неприятелями, и за определением неприятеля Гроций предпочитает обращаться к римскому праву – по нему неприятелем является тот, кому римский народ объявляет войну, либо те, кто сделал такое объявление Риму¹⁷⁰. При этом подразумевается, что неприятель, как и объявитель войны (в данном случае – римский народ) – тот, кто управляет государством, обладает согласием со стороны его населения и правом объявления войны¹⁷¹.

Справедливость войны также обосновывается тем, что она была объявлена и утверждена государством, как говорит Тит Ливий¹⁷². Справедливой будет и война, начатая ради возвращения чего-либо, принадлежавшего объявляющему войну¹⁷³. Если брать последнее утверждение, то экспансия Рима в 16 г. до н. э. в Германии была справедливой – ведь поводом для вторжения служил возврат утерянных штандартов, произошедший из-за нападения германцев на римские войска¹⁷⁴. Т.н. «право войны» в данном случае служит искуплением всего, совершенного на войне, что в мирное время являлось бы неприемлемым и порицаемым, в частности, убийство¹⁷⁵.

Особенно высокую оценку Гроций дает высказываниям древних, касающимся целей войны. Конкретно в данном случае он приводит высказывания, определяющие единственной целью войны установление мира, а не господства над побежденными – подобные

¹⁷⁰ Там же, с. 606.

¹⁷¹ Там же, с. 607.

¹⁷² Тит Ливий. История Рима от основания города. Том II. Книга XXXI, 14, п. 10.

¹⁷³ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 609; Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Книга I, ч. XI, п. 36.

¹⁷⁴ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Божественный Август, 23.

¹⁷⁵ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 618; 619.

встречаются у Саллюстия Криспа и Цицерона¹⁷⁶, и сравнивает их с высказываниями христианских авторов – Блаженного Августина и Фомы Аквинского. Именно в связи с этим высказывания римлян оцениваются им столь высоко – будучи христианином, Гроций едва ли мог возражать против изречений древнеримских авторов, несущих тот же смысл, что сентенции философов христианских. К той же благодетели он относит стремление римлян не дистанцироваться от побежденных противников, но обратить их в собственных граждан, как было с галлами, германцами и многими племенами, заселявшими Италию¹⁷⁷.

В заключении третьей, последней книги, Гроций дает своеобразное наставление читающим с просьбой соблюдения добросовестности, которая сама по себе служит сохранению мира, подкрепляя эти наставления изречениями Сенеки и Цицерона о ней как о высочайшем благе, и здесь же повторяет слова Саллюстия Криспа о том, что войну следует вести ради мира, как поступают мудрые¹⁷⁸. Подобное завершение наиболее определенно показывает, с какой целью им создавался данный труд.

Рассматривая произведение Гроция в целом, даже с учетом множества глав, посвященных анализу Священного Писания как источника права, сложно не заметить, сколь огромное влияние на его структуру и содержание оказало римское наследие. Особо привлекает внимание то обстоятельство, что Гроцием были задействованы не только

¹⁷⁶ Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Книга I, ч. XI, п. 34-35.

¹⁷⁷ «Потом вожди вышли, чтобы заключить договор, и не просто примирились, но из двух государств составили одно». Тит Ливий. История Рима от основания города. Том II, I, 13; Гроций Г. О праве войны и мира. С. 739; 741; 797.

¹⁷⁸ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 823; 824.

сведения из области юриспруденции или речей политических деятелей, но также рассмотрены исторические прецеденты и включены в текст элементы древнеримской поэзии. Все это производит впечатление, будто подобным образом Гроций будто пытается всесторонне утвердить свою точку зрения на предлагаемые им нормы права, поскольку если юридические нормы могут устаревать, то форма обращения к инцидентам прошлого с целью поиска решения насущных задач чаще всего вызывает отклик у современников. Понятен и сам выбор именно римской истории как наглядного материала, предоставляемого в «Праве войны и мира» - ведь какое другое государство, кроме Древнего Рима, могло оказать столь значительное влияние на все европейское развитие, обладать языком, изучаемым на территории всей континентальной Европы, и что самое важное - оставить столь огромный культурный пласт, включающий в себя основополагающие сведения о риторике, политике и юриспруденции, не говоря уже о литературном и многовековом историческом наследии? Даже спустя столько лет после крушения великой империи имена ее выдающихся ораторов, мыслителей, поэтов, полководцев и правителей продолжали пользоваться все тем же авторитетом как в среде ученых, так и просто образованных людей. Конечно, Гроций понимал это, тем более что упоминаемые и цитируемые им личности сам он явно признавал людьми выдающимися и заслуживающими того, чтобы прислушаться к ним и воспользоваться их опытом. По этой причине, невзирая на североевропейское происхождение, Гроция вполне можно считать одним из наиболее подверженных римскому влиянию авторов.

Глава III. Непрямое сходство положений, выдвигаемых в работах политических мыслителей Нового времени, со взглядами античного периода.

3.1 «Смертный бог» Гоббса: Левиафан

Когда в своем исследовании мы покидаем область изучения трудов, созданных авторами континентальной Европы, и обращаемся к сочинениям английских авторов, становится очевидна разница в частоте обращения к образцам древности в данных трудах. Это является вполне естественным при учете как географического положения Британии, так и политического развития страны, которое в большей степени было замкнуто словно в самом себе, распространяясь в определенные периоды с Британского полуострова на такие страны, как Франция, Испания и немецкие княжества. Подобная идеолого-политическая изоляция, сохранявшаяся в рассматриваемый период, сама по себе представляет интересный феномен на фоне истории римского завоевания Британии. По этой причине вполне понятно о малое количество отсылок в работах английских авторов к событиям и произведениям античного периода.

Очевидно также и то, что на содержание оказывает влияние приверженность автора религии, в частности христианства, причем в данном случае мы не делаем акцента на том, какой конфессии придерживается автор, а скорее обращаем внимание на степень его религиозности. Для трудов рассматриваемого периода (впрочем, и не только его) характерно прямое выражение автором

м в тексте своей позиции по отношению к вере и клерикализму, и поэтому становится ясным, что в трудах, построенных на рассмотрении Священного Писания или посвященных королевскому правлению в Англии, нам будет сложно найти параллели с античным периодом. И, тем не менее, они могут присутствовать даже в работах подобного толка. Одним из ярчайших примеров являются труды Томаса Гоббса.

Прежде всего заметим, что Гоббс не смог избежать обвинений в атеизме¹⁷⁹, хотя в «Левиафане» большая часть текста была построена именно на выдержках из Священного Писания, и по встречающимся повсеместно выражениям в Гоббсе легко разглядеть достаточно набожного человека. В целом в Гоббсе мы видим пример классического английского политического автора того времени, хотя, невзирая на свои роялистские взгляды, у него были проблемы и с роялистской, хоть и не английской, властью. Несмотря на то, что в «Левиафане» он всячески отстаивал обоснованность королевской власти и ее «богоугодность», из-за своих трактовок и отрицательного отношения к католицизму он был вынужден бежать из Франции обратно на родину, где уже завершилась революция¹⁸⁰. Казалось бы, что античного мы можем найти в этих христианских и роялистских идеях, если такие авторы как Гоббс, как правило, ссылаются на таких авторитетов, как блаженный Августин, Фома Аквинский и др., которых с трудом можно назвать носителями классической античной культуры, поскольку все же они являлись христианскими авторами

¹⁷⁹ Рассел Б. История западной философии. С. 686.

¹⁸⁰ Там же, с. 685.

достаточно позднего периода. Но даже у него мы можем найти и античную подоплеку, что и продемонстрируем ниже по тексту.

Гоббс выступает явным противником каких-либо суеверий, которые считает, впрочем, присущими не только античным людям (язычникам), но и своим современникам¹⁸¹. Как пример для разбора с целью демонстрации рациональности всего происходящего им был избран эпизод из истории гражданских войн в период становления Римской империи, а именно случай, произошедший с Марком Юнием Брутом. Явившееся тому накануне битвы с Октавианом ужасающее видение он считал ничем иным, как обыкновенным сном, приснившимся Бруту в виду обстоятельств, в которых тот находился¹⁸². В том же направлении следует его мысль в главе "О религии": рассматривая римское язычество, Гоббс относит любое гадание с целью предсказать будущее, как-то авгурия и аруспиция¹⁸³, к проискам мошенников либо все тем же суеверным заблуждениям¹⁸⁴. Поэтому, по его мнению, правители тех времен стремились дистанцироваться от религиозных установок, стараясь приписать их изобретение не себе, а некой божественной воле, таким образом удерживая население в повиновении, и потому же законы божественные не противоречили законам гражданским¹⁸⁵. В связи с последним Рим был столь толерантен к иным религиям¹⁸⁶. Тем не менее, в древнеримской мифологии

¹⁸¹ Там же, с. 686.

¹⁸² Гоббс Т. Левиафан. С. 67.

¹⁸³ Гоббс Т. Левиафан. С. 171.

¹⁸⁴ Рассел Б. История западной философии. С. 687.

¹⁸⁵ Гоббс Т. Левиафан. С. 171.

¹⁸⁶ Там же, с. 172.

Гоббс усматривает параллель с современными ему событиями, сравнивая убийство Сатурна Юпитером с положением, выводимым Эдуардом Коуком в комментариях к работе Томаса Литлтона о праве собственности¹⁸⁷.

Интересно, что в своих изысканиях по описанию явлений человеческого сознания Гоббс в английской версии использовал именно римские определения, полагая их наиболее точными¹⁸⁸.

То же он регулярно повторяет на протяжении всей работы, когда ему требуется привести какое-либо понятие, обозначающее действие, которое сложно выразить одним словом¹⁸⁹. И хотя каждое государство обладает своими законами, относительно "гражданского закона" Гоббс замечает, что данное понятие уравнено с древнеримскими гражданскими законами, поскольку те являлись гражданскими для большей части существовавшего тогда мира (видимо, подразумевая всю территорию Римской империи и подвластные ей территории)¹⁹⁰.

В главе XVIII¹⁹¹ Гоббс, помимо прочего, рассматривает и случай провинциального правления древнего Рима, в частности, в Иудее. Исходя из представленных им умозаключений, управленческий аппарат провинций представлял собой ничто иное, как монархию - не прямую, поскольку Гоббс рассматривал пример, когда в правлении участвовала группа представителей, избранных Римом, а не один управитель, и монархию, при которой один

¹⁸⁷ Там же, с. 203.

¹⁸⁸ Там же, с. 34-35; 73; 97; 430.

¹⁸⁹ Там же, с. 124.

¹⁹⁰ Там же, с. 243.

¹⁹¹ «О правах суверенов в государствах, основанных на установлении». Гоббс Т. Левиафан. С. 236.

народ правит другим, поскольку само население провинции в избрании правящих не участвовало¹⁹².

Говоря о монархической власти, в той же главе Гоббс уделяет внимание вопросу наследования, но совершая это не на примере существующей практики, а в качестве положения всей своей работы в плане того, как *должно* быть устроено государство. Утверждая, что право наследования монарху должно быть определено самим монархом письменно или устно (а не просто на основании кровного родства), он опирается на пример того, что так поступали римские императоры¹⁹³. Это предложение, безусловно, можно назвать достаточно прогрессивным, но оно же может породить ряд проблем при своем воплощении на практике - достаточно вспомнить, как оспаривалось современниками то, что Октавиан Август должен был наследовать Цезарю¹⁹⁴.

О том, что наследование путем волеизъявления может повлечь трудности, говорит далее и Гоббс. Здесь его интересует вариант, при котором наследником могут объявить иностранца, что вызовет недовольство среди народа. Анализируя более широко эту ситуацию, нежели в рамках монархии с назначением наследника, он указывает, что у римлян не возникало подобных проблем с покоренными народами, поскольку они даровали этим народам римское гражданство, либо вводили в сенат на правах гражданина их выдающихся представителей, и это предотвращало недовольство населения захваченных территорий. Таким же образом, утверждает он, поступал Яков I в стремлении

¹⁹² Гоббс Т. Левиафан. С. 258; 259.

¹⁹³ Там же, с. 261.

¹⁹⁴ Бейкер Дж. Август. Первый император Рима. С. 30-31.

объединить Англию и Шотландию, и это наверняка предотвратило бы гражданскую войну¹⁹⁵. Вообще говоря, Гоббс отрицательно характеризовал сословные заговоры, и, как следствие, отрицательно относился к переворотам, поскольку их осуществление являлось, по сути, перехватом исполнительной власти у вышестоящих сил, нарушая мир и угрожая народной безопасности; примером такого явления он считал противостояние патрициев и плебеев¹⁹⁶.

Более того, восставать против монархии, по мнению Гоббса, могут лишь люди, перечитавшие книг о политической истории Рима и не принявшие во внимание, что в т.н. "демократический" период в нем постоянно происходили мятежи и велись гражданские войны, а цареубийство оправдывалось тем, что оно на самом деле являлось убийством тирана¹⁹⁷. Все это являлось несовершенством римского политического устройства¹⁹⁸, где и у народа, и у сената, в виду разделения власти между ними согласно формуле S.P.Q.R. не было настоящей власти, что и приводило к постоянным столкновениям¹⁹⁹.

Опасность государству и суверену, как пишет Гоббс, представляют и слишком харизматичные подданные. Одним из таких он считает Цезаря, пользовавшегося популярностью в армии, а впоследствии и в народе, что в результате привело буквально к подчинению ему сената²⁰⁰. Естественно, что Гоббс не был оригинален в подобных высказываниях, не говоря уже о том, что многие правители убедились в их

¹⁹⁵ Гоббс Т. Левиафан. С. 263.

¹⁹⁶ Гоббс Т. Левиафан. С. 307.

¹⁹⁷ Там же, с. 405.

¹⁹⁸ Рассел Б. История западной философии. С. 690.

¹⁹⁹ Гоббс Т. Левиафан. С. 400.

²⁰⁰ Там же, с. 411.

правдивости на практике, но в данном случае для нас представляет интерес именно выбранный им пример. В свою очередь, мы можем в качестве образца похожей ситуации вспомнить Тиберия, по словам современников²⁰¹, обуреваемого завистью к тем, кто был популярнее его и пользовался большей благосклонностью его приемного отца Августа (в частности, его сводный брат Друз или приемный сын Германик)²⁰²; последний, впрочем, несмотря на отсутствие кровного родства, обладал теми же чертами характера. И Тиберий, и Август умели избавляться от своих более популярных (либо легитимных) соперников.

Особенно явно это негативное отношение Гоббса к любому проявлению народного своеволия²⁰³ выражается в главе "О свободе подданных", где он утверждает, что учение о государстве, созданное римлянами, было основано на наследии, предоставленном предками-цареубийцами, которые сами захватили власть после предательства своего правителя и возвращали ненависть к монархическому правлению в своих потомках²⁰⁴. Именно это наследие, по его мнению, привело к тому, что в последующей истории и современности было совершено столько кровавых мятежей, являющихся, таким образом, как бы следствием и платой за изучение латинского языка. Наиболее ценным относительно темы данной работы является эпизод главы "О гражданских законах"²⁰⁵, где виды последних, описанные в кодексе Юстиниана в количестве семи, Гоббс подвергает рассмотрению и сравнению с порядками, установленными в

²⁰¹ Публий Корнелий Тацит. *Анналы*. Книга VI, п. 51. С. 222.

²⁰² Кравчук А. *Императоры*. С. 47.

²⁰³ Рассел Б. *История западной философии*. С. 689.

²⁰⁴ Гоббс Т. *Левиафан*. С. 283.

²⁰⁵ Там же, с. 336.

современной ему Англии. Во-первых, Гоббс видит в императоре средоточие народной власти, т.о. издаваемые им указы являются волеизъявлением народа. По его мнению, законы за авторством английских королей являются чем-то схожим. Во-вторых, сходными с постановлениями парламента Гоббс считает законы, что были приняты путем народного голосования в сенате, т.е. сравнивает их с правом статутов. Считать же эти законы законами уже при появлении императорской власти было возможно потому, что они не были отменены, а следовательно - одобряемы верховным принципсом²⁰⁶.

В-третьих, равносильными тем постановлениям, что принимают в палате общин, Гоббс считал постановления, принятые народным собранием Рима вне сената, и также не подвергнувшиеся отмене при империи. В-

четвертых, королевский совет он полагает аналогичным самому сенату, сравнивая его деятельность с имперским периодом²⁰⁷. В-пятых, преторов он считает

равными по должности главным английским судьям.

В-шестых, Гоббс рассматривает уже имевшуюся к тому моменту в Англии форму прецедентного права (т.н. общее право), отмечая, что подобное уже имело место в Риме с небольшим отличием. Древнеримские юристы толковали законы, и, исходя из данных толкований, судьи принимали решение. В Англии же, по словам Гоббса, судья не принужден непременно следовать подобным указаниям²⁰⁸.

В-седьмых, не отраженные на бумаге, но фактически

²⁰⁶ Там же, с. 356.

²⁰⁷ Гоббс Т. Левиафан. С. 357.

²⁰⁸ Там же, с. 357.

функционирующие как законы обычаи он также относит к наследию римского права, которое было сохранено благодаря отсутствию запрета со стороны императора к их существованию²⁰⁹.

В последней главе своего труда, относящейся уже к рассмотрению церковной власти, Гоббс в канве сравнения деятелей католической церкви со сверхъестественными силами традиционного английского фольклора²¹⁰, рассуждает о преемственности самой римской культуры в мире на тот момент времени. Так, по его мнению, католическая церковь, а именно папизм, это ничто иное, как призрак Римской империи, так как его основание берет свое начало из разрушения римского язычества²¹¹. Своеобразие этого рассуждения заключается также в том, что, как правило, когда мы заговариваем о некоем "римском наследии" и христианстве одновременно, в роли наследницы по умолчанию выступает Византия как восточная часть империи, просуществовавшая значительно дольше. Но в данном случае Гоббс говорит именно о католицизме, который мы действительно соотносим именно с западной частью – с Римом, а не Константинополем. Того же мнения он придерживается о латинском языке – язык, используемый католиками в богослужениях, лишь призрак существовавшей в древности латыни²¹². Неудивительно, что за подобные высказывания на него была наложена опала, вынудившая вернуться в страну, уже попавшую под контроль Кромвеля.

²⁰⁹ Дайси А.В. Основы государственного права в Англии. Введение в изучение английской конституции. С. 33.

²¹⁰ Таким образом пытаюсь как бы умалить их значимость, или даже реальность, поскольку постоянно употребляет слово "выдумки", "сказки" и "сплетни".

²¹¹ Гоббс Т. Левиафан. С. 620.

²¹² Гоббс Т. Левиафан. С. 620.

Говоря в целом о работе Гоббса, добавим только, что ее по праву считают монументальной – таким и должен являться трактат, раскрывающий сущность «смертного бога», посвященный целиком понятию власти, причем не в единственном ее аспекте. Именно благодаря этой неоднозначности и многогранности «Левиафан» подвергся множеству трактовок, и на этом его потенциал все еще не исчерпан. В свою очередь, мы также взглянули на него с новой стороны, причем не той, с какой обычно его рассматривают – т.е. относительно современного автору общества, либо какого-то лишь теоретического, предполагаемого, или наоборот, исключительно английского, но с точки зрения того прошлого, которое, казалось бы, очень проблематично с ним увязать.

3.2 Локк и его трактаты о правительстве

Джона Локка сложно назвать апологетом Гоббса – в чем-то их политические положения явно расходились²¹³, более того – Локк уделял намного большее внимание Священному Писанию с целью доказательства своих положений. В целом же наш выбор был обусловлен именно тем, что Локк является как наиболее известным, так и наиболее «политическим» из английских авторов того времени. Также Локк неоднократно прибегал к цитированию вышерассмотренного труда Гуго Гроция, который к тому моменту уже был высоко оценен с

²¹³ Рассел Б. История западной философии. С. 690.

точки зрения права. Для изучения нами был выбран политический труд "Два трактата о правлении", поскольку его тематика не выбивается из общего ряда рассмотренных в предыдущих главах работ, а также содержит некоторые сведения по теме нашего исследования.

Эта работа являлась своеобразным противовесом "Патриархату, или естественной власти королей" Роберта Филмера, в котором автор обличал саму идею того, что подданные могут восставать против своих монархов. Основой ему послужила общеизвестная как католическая, так и протестантская полемика между клерикалами и самими монархами о том, что подданные имеют право на сопротивление тем правителям, что следуют откровенно тираническому пути управления государством. Естественно, что Филмер, как крайний роялист, выступал в своей работе с резкой критикой подобных высказываний, воспринимаемых с его точки зрения как некие «губительные теории»²¹⁴.

Основная мысль, высказываемая Филмером в его работе, заключалась в том, что короли наследуют свою власть от Адама, т.о. подтверждая свою патриархальную теорию наследования, будто король является как бы отцом своим подданным, а поскольку непослушание родителям, и, более того, – отцеубийство – порицаемо повсеместно, то и в данном случае народ не имеет права восставать против правителя, каковым бы ни было его поведение. Даже в XVII столетии подобные теории едва ли можно было рассматривать как состоятельные, не говоря уже о нынешнем времени, и потому не требует дополнительных пояснений, почему Локком в качестве возражения был написан трактат, доказывающий

²¹⁴ Рассел Б. История западной философии. С. 770.

буквально по пунктам несостоятельность высказанных Филмером положений. Более того, сама политическая обстановка в Англии мало способствовала принятию теории божественного права королей, учитывая наличие постоянной борьбы за верховенство между королем, аристократией и т.н. «третьим сословием»²¹⁵.

Оговоримся, что сама по себе теория Локка, изложенная в этих двух написанных им трактатах о форме правления, не является основным аспектом изучения в работе, т.к. наша цель - вычленив и увязать воедино моменты, свидетельствующие о том, что автор прибегал к использованию каких-либо античных источников либо общих идей. Как уже было замечено ранее, относительно Локка это крайне трудоемкая задача, поскольку сама тема его работ, а также обстоятельства, побудившие его к их созданию, не предполагают включения в текст подобного материала. Тем не менее, он активно внедряет в рассматриваемом произведении цитаты из латинской классики, которым мы уделим внимание в некоторых случаях. Основной же предмет нашего изучения составят выражения, которые подвергаются неоднозначной интерпретации с точки зрения названия нашего исследования, а также их трактовки другими исследователями.

Первая из двух книг трактата Локка посвящена разоблачению теории Филмера на т.н. общих основаниях, без завершающих монументальных доводов, что было сделано в книге второй. Уже в первой главе Локком приводится выражение из «Энеиды»²¹⁶ Вергилия «caput inter nubila»²¹⁷,

²¹⁵ Рассел Б. История западной философии. С. 773.

²¹⁶ Вергилий. Энеида. Книга IV, стих 175.

²¹⁷ «достигая головой облаков» лат.

которое он употребляет в связи с изречением Филмера о том, что люди не являются свободными от природы, и следовательно, благодаря этой фразе монархия возносится как высшая форма власти²¹⁸. Эту латинскую вставку можно было бы пропустить во внимании, не придав ей особого значения – в конце-концов, авторы многих эпох использовали подобные средства для придания тексту выразительности, но в данном случае есть одно «но», а именно, – контекст отрывка «Энеиды», откуда были взяты данные слова. В четверостишии, к которому они относятся, речь идет о молве, чья голова достигает небес, как метафорическом чудовище, лживом и страшном, являющемся самым проворным злом, поскольку Мать-Земля наделила ее быстрыми ногами, неусыпной зоркостью и множеством языков²¹⁹. Таким образом, Локк, хоть и не прямо, но с очевидной эмоциональной окраской выражает свое отношение к высказыванию Филмера, будто бы рассчитывая, что, по крайней мере, лица, знакомые с древнеримской поэзией, сумеют понять его иронию.

Филмер, в свою очередь, был известен не только «Патриархатом», но и изданными ранее «Замечаниями» на «Защиту английского народа» Мильтона, «Левиафана» Гоббса и «Право о войне и мире» Гроция. Об этом же упоминает Локк, заметив, что ознакомился с данными трудами для более полного понимания той идеи, что хотел донести в своей работе Филмер²²⁰. Этот момент представляет для нас интерес в том отношении, что мы сами рассмотрели две из упомянутых работ. Т.о., мы узнаем, что Локк был не

²¹⁸ Локк Дж. Сочинения. Т. 3. С. 142.

²¹⁹ Вергилий. Энеида. Книга IV, стих 180; 185.

²²⁰ Локк Дж. Сочинения. Т. 3. С. 148.

только знаком с этими произведениями, но и изучил их «критику» со стороны своего уже почившего на тот момент оппонента²²¹. Практически тут же он принимается за опровержение вынесенных Филмером положений – Локк берет указанную им прямую цитату латинского издания Гроция²²², которая, по мнению Филмера, должна была подтвердить верховенство королевской власти по аналогии с отеческой властью над детьми. Одновременно с этим имелось в виду, что как Адам, так и ветхозаветные патриархи являлись своего рода монархами²²³ ввиду уже указанного «права на детей». Локк опровергает это тем, что поскольку у Адама после создания это право наличествовало лишь по положению, фактически он этим правом не обладал вообще²²⁴, и, как следствие, Филмер трактует слова Гроция ошибочно, поскольку тот нигде не оговаривал, насколько широко распространяется эта власть родителя над детьми²²⁵.

Далее, в том же русле рассмотрения этой цитаты Гроция, Локк отмечает, что, приведя ее как довод, по вышеприведенным причинам она никак не может служить не просто убедительным, но вообще хоть каким-то доводом в пользу абсолютной монархии, разве что если бы Филмер сам являлся таковым монархом. Тут он вновь иронически замечает, что преподнесение своей воли вместо довода не годится в качестве стоящего аргумента²²⁶, используя цитату

²²¹ Роберт Филмер умер в 1653 году, первое же издание его рассматриваемого здесь труда относится к 1680 г.

²²² «Путем рождения родители приобретают право на детей». Гроций Г. О праве войны и мира. С. 242.

²²³ Рассел Б. История западной философии. С. 772.

²²⁴ Локк Дж. Сочинения. Т. 3. С. 153.

²²⁵ Там же, с. 176.

²²⁶ Локк Дж. Сочинения. Т. 3. С. 177.

из шестой сатиры Ювенала²²⁷. Примечательно, что в данной сатире речь идет о жене, без разрешения которой («против ее воли») муж не может ничего купить, продать или подарить, но та же жена, велев казнить раба, на вопрос о том, в чем же тот виноват и есть ли доказательства вины, отвечает, что раб – не человек, и не нужно никаких доказательств его виновности, когда есть ее воля на то, чтобы распять его²²⁸. С учетом данного контекста можно вполне уверенно предположить, что указанным пассажем Локк отвечал, что именно так, по его мнению, монарх Филмера относится к своим подданным – ему не нужно доказательств, достаточно лишь своего волеизъявления, ведь подданный – то же, что и раб, а раба едва ли можно почитать за человека.

Продолжая тему рабства и родительской власти, Локк заявляет о всеобщем равенстве людей от рождения, а, следовательно, о том, что из факта чьего-то рождения вовсе не следует, что этим человек превращается в раба своего родителя²²⁹, поскольку из утверждений Филмера следовало, что к рабству детей принуждает то, что родителями им была дана жизнь. Локк обосновывает свое положение тем, что, желая завести детей, люди (родители) являются только обстоятельствами их рождения, а заводя их, предпринимают столь ничтожно малые действия, что это нельзя считать хоть чем-то обязывающим детей на рабство²³⁰. В данном случае он прибегает в подтверждение своих слов к древнегреческому мифу о Девкалионе, пример изложения которого мы можем найти у Овидия, где Девкалион и Пирра

²²⁷ «Pro ratione voluntas» - «вместо довода будь моя воля», лат. Децим Юний Ювенал. Сатиры. Книга II, сатира 6, стих 210.

²²⁸ Децим Юний Ювенал. Сатиры. Книга II, сатира 6, стих 220.

²²⁹ Локк Дж. Сочинения. Т. 3. С. 177.

²³⁰ Там же, с. 179.

для рождения людей бросали себе за спину камни²³¹, и это, по его мнению, является куда большим приложением усилий к рождению, нежели то, что существует.

Таковы положения Локка, связанные с темой нашего исследования, в первой книге его трактата. Показав в ней несостоятельность идеи монархической власти, как зародившейся от патриархальной, вторую книгу он начинает с демонстрации своей концепции появления государства, которую считает правильной.

В основу своего понимания государственности Локк кладет понятие «общественного договора», подразумевая при этом, что это не данная Богом власть, а результат человеческого договора²³². Невозможно добиться согласия абсолютно всех членов общества в виду разных причин, и потому придется довольствоваться лишь согласием т.н. большинства, которое пожелает составить некий «организм»²³³ (по выражению Локка – политический), и каждый член этого организма обязуется подчиняться этому же большинству, являя собой единое целое. И если это согласие большинства не может быть достигнуто (т.е. являться обязательным к выполнению каждым членом), то не может идти речи о *единстве* действий, а это, в свою очередь, ведет к разрушению всего организма – т.е., государственного образования²³⁴, делая его существование скоротечным. Локк утверждает, что если *большинство* не способно решить за *всех* (в силу извечных противоречий или разницы мнений его членов), то такое государство, по сути, будет создано, чтобы

²³¹ Публий Овидий Назон. *Метаморфозы*. Книга I, стихи 390-410.

²³² Рассел Б. *История западной философии*. С. 785.

²³³ Локк Дж. *Сочинения*. Т. 3. С. 317.

²³⁴ Там же, с. 318.

тут же исчезнуть. В этом моменте Локк прибегает к терминологии Гоббса, называя такое государство Левиафаном, который не сможет из-за подобного устройства пережить даже свое рождение²³⁵. И из этого он выводит, что действительным договором, который приводит к созданию государства и дает начало законной власти, будет лишь *согласие* большинства на *объединение* в «политическое общество»²³⁶. Обращаясь же к концепции естественного состояния, в котором каждый свободен, но не допускается своеволие, и при этом каждый является судьей сам себе, Локк словно бы выступает в оппозиции к Гоббсу, показывая, что данное состояние не является войной всех против всех, и открытым текстом говорит об этом²³⁷.

Утверждая, что получал возражения о наличии в истории примеров группы свободных (и главное – равных) людей, создавших государство, Локк, тем не менее, обнаруживает подобные примеры в древности²³⁸. В частности, таким случаем он считает историю основания Тарента²³⁹. Основателями города являлись переселенцы из Спарты во главе с вождем по имени Фалант, захватившими Тарентинскую крепость и обосновавшимися там²⁴⁰, и Локк надеется, что его читатели не будут возражать в том отношении, что эти люди были равны между собой и являлись свободными. Т.е., эта группа людей пребывала в том самом естественном состоянии, о котором было сказано

²³⁵ Там же, с. 319.

²³⁶ Локк Дж. Сочинения. Т. 3. С. 318.

²³⁷ Рассел Б. История западной философии. С. 781.

²³⁸ Локк Дж. Сочинения. Т. 3. С. 318.

²³⁹ Город в Италии.

²⁴⁰ Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога “Historiae Philippicae” // Вестник древней истории, 1954. № 2. С. 227.

ранее, и они же сумели, объединившись, создать государство²⁴¹.

Пользуясь словами Цицерона, Локк считает благо народа высшим из существующих законов²⁴². Примечательно, что в том пункте, где приводится это выражение, Локк рассматривает проблематику представительства в законодательном органе, утверждая, что число представителей от различных объединений должно быть строго пропорционально пользе, приносимой от них обществу. Цицерон же в отрывке, откуда Локк позаимствовал его изречение, также рассматривал устройство древнеримской исполнительной и законодательной власти. Конкретно речь шла о преторах, судьях и консулах, и именно им вменялось в обязанность ставить народное благо превыше всех законов²⁴³.

Естественно, Локк не мог обойти стороной проблему возникновения тирании²⁴⁴. Короля отличает от тирана то, что первый сам ограничивает себя законами, второй же действует лишь исходя из своих желаний. Отсюда следует, что причиной возникновения тирании служит использование власти, направленной на защиту народа и его собственности в отличных от обозначенных целях, и при этом не имеет значения, занимается ли этим одно лицо, или же этих лиц несколько²⁴⁵. Поэтому власть децемвиров кажется Локку столь же тиранической, как правление тиранов в Афинах или Сиракузах. Если смотреть на этот вопрос с его точки зрения,

²⁴¹ Локк Дж. Сочинения. Т. 3. С. 321.

²⁴² Там же, с. 355.

²⁴³ Марк Туллий Цицерон. Диалоги / Пер. с лат. и комментарии В. О. Горенштейна. М.: Ладомир - Наука, 1994. 174 с. «О законах». Книга III, 3; 8.

²⁴⁴ Локк Дж. Сочинения. Т. 3. С. 378.

²⁴⁵ Там же, с. 379.

то мы можем обнаружить тиранию в понимании Локка²⁴⁶ по нескольким пунктам: из-за отказа децемвиров в проведении выборов и снятия с себя полномочий, из-за взятия на себя консульских функций, а также злоупотребления властью Аппием Клавдием, которое послужило причиной полулегендарного эпизода древнеримской истории о плебейском исходе из города²⁴⁷.

Характерно, что сам Локк отрицал возможность для народа восстать против своего короля, но в данном случае он не противоречил сам себе, и в этом не было никакого сходства с теориями, выдвигаемыми Филмером²⁴⁸. Причина этому такова, что Локк допускал свержение короля в том случае, если тот перестает быть королем. Причин тому может быть две – когда король утрачивает независимость, становясь чьим-либо вассалом, поскольку выше короля может быть лишь Бог, либо когда король решает сам разрушить собственное королевство, что принесет вред его подданным. Как пример последнего случая Локк рассматривает правление Нерона и Калигулы²⁴⁹.

Относительно Нерона Локк утверждает, что тот желал уничтожить как сенат, так и само население Рима, а сам собирался уехать оттуда. Причем он не упоминает о юридических процессах или принуждениях к самоубийству, благодаря которым Нерон на самом деле уничтожил огромное количество людей, - он говорит, что тот делал это «огнем», видимо, полагая, что пожар лета 64 г. н. э. был устроен им самим, а также, видимо, подразумевая и казни

²⁴⁶ Рассел Б. История западной философии. С. 795.

²⁴⁷ Тит Ливий. История Рима от основания города. Том I. Книга III, 33-58.

²⁴⁸ Локк Дж. Сочинения. Т. 3. С. 400.

²⁴⁹ Там же, с. 401.

христиан, к которым откровенно религиозный Локк едва ли мог относиться равнодушно. Этому противоречит то, что Нерон проявил себя при ликвидации последствий пожара с лучшей стороны и вдобавок восстановил город²⁵⁰, но, представляется, для Локка имело куда большее значение, что тот провел впоследствии долгое время в Греции. Судя по всему, в этом отношении он предпочитал доверять изложению событий, описанных Светонием, нежели Тацитом²⁵¹. Касательно же Калигулы он приводит известное высказывание, документированное Светонием, что будь у всего римского народа одна шея, он перерубил бы ее²⁵². Если рассматривать этот эпизод более строго, становится ясно, что Светоний подразумевал не весь Рим, а лишь так называемую чернь, что назло Калигуле предпочитала рукоплескать другим возницам, принимавшим участие в заездах вместе с императором²⁵³. Но, как бы то ни было, подобное поведение и впрямь не вписывается в те рамки, которые должен соблюдать хороший правитель, не говоря уже о реальных преступлениях, совершенных Калигулой. Тем более, если доверять словам Светония, как это делал Локк, Калигула и впрямь планировал вырезать лучших людей Рима и бежать в Александрию²⁵⁴.

Приведенное выше поведение, как считает Локк, и является тем, из-за чего король уже перестает быть королем, и, как следствие, против него дозволено поднять восстание, поскольку правитель отказывается от заботы о своем

²⁵⁰ Кравчук А. Императоры. С. 84.

²⁵¹ Там же, с. 85.

²⁵² Локк Дж. Сочинения. Т. 3. С. 401.

²⁵³ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Калигула, 31.

²⁵⁴ Там же, Калигула, 49.

государстве, а, следовательно, теряет всяческие права на управление им и своими подданными²⁵⁵.

Локк не был единственным автором, использовавшим теорию «общественного договора», но он, судя по всему, относился к тем, кто полагал, что сам факт договора имел место в истории, а не являлся некоей абстракцией из области государственного права. И, как ни удивительно, эта теория порой вполне могла быть использована как оправдание тирании – по сути, именно в этом ключе ее использовал Гоббс. С одной стороны, это не вызывает особого удивления, с учетом его роялистских взглядов, и, тем не менее, положения этих авторов о границах подчинения своему суверену резко отличаются. Если у Локка и народ, и правитель – ответственные в равной степени стороны обозначенного договора, то у Гоббса этот договор носит односторонний характер – народ обязан соблюдать договор, король – нет, и таким образом его власть, в отличие от власти короля у Локка, ничем не ограничена, а народ лишен права восстания. Конечно, на этом фоне Локк выглядит прогрессивно и демократично, но и в его случае не все так просто, поскольку его трепетное отношение к неприкосновенности частной собственности приводят его к заключению (не высказываемому прямо, но все же подразумеваемому), что люди не так уж и равны, поскольку гражданами он сам считает лишь обладателей собственности²⁵⁶.

²⁵⁵ Локк Дж. Сочинения. Т. 3. С. 401.

²⁵⁶ Рассел Б. История западной философии. С. 786.

Заключение

В процессе исследования представленной на рассмотрение тематики становится очевидно, как велика разница в объеме фактического материала при переходе от одного раздела к другому. В данном случае причина не в сознательном желании ограничить количество изучаемого материала. При подборе анализируемых работ мы, в первую очередь, руководствовались критерием соответствия их политическому произведению, и под этот критерий у каждого из авторов с учетом всех признаков попадала лишь одна из работ.

И все же, чем тогда объясняется то, что каждая последующая глава обладает все меньшим количеством обращений к античному материалу?

На наш взгляд, это закономерный процесс, имевший место в истории, и нашедший, таким образом, свое отражение в данном конкретном тексте. Мы не утверждаем, что с учетом специфики имеющейся выборки, выводы, сделанные по ней, будут являться допустимыми для всех произведений рассматриваемого периода, но, по крайней мере, нами был предоставлен своеобразный срез, сам по себе представляющий исследовательский интерес. В этом

отношении мы действовали скорее в ключе постмодернизма, методы которого нашли свое применение не только в филологических и лингвистических науках, но также широко применяются и в историческом исследовании в последнее время.

Касаясь проделанной работы, мы бы хотели указать на то, что разница в объеме содержания глав продиктована реалиями рассматриваемых в них

периодов. По итогам первой главы, несмотря на изучение в ней трудов

лишь двух, как и во всех главах, авторов, несложно отметить, что она по соотношению с наличествующем в ней материалом античного периода

составляет большую часть работы, и обоснование этого заключено не только

в личностях авторов, но и периоде их жизни, а так же их географическом

местоположении. В эпоху Ренессанса, достигшего пика своего развития и столь ярко проявившегося во Флоренции, к обращению взгляда в античное прошлое мыслителей толкали

поиски решений насущных проблем ослабленной и раздробленной страны в «славном прошлом» некогда великой, единой и огромной империи. Причина очевидна: они сами

были рождены в Италии, наследнице того всемогущего Рима, и проживали здесь же. Церковь, разумеется, с учетом общественного положения как Макьявелли, так и

Гвиччардини, играла в их жизни преимущественное значение, регулируя границы дозволенного, но и она была не в силах противостоять веяниям культурного возрождения,

находившего свое отражение во многих сферах жизни. Изучение же истории клерикалами не подвергалось порицанию,

поэтому неудивительно, что в период, когда античные образцы являлись практически нормой в сфере искусства, привнося вдобавок в общественное сознание некий пантеистический мистицизм, обращение к ним можно было обнаружить и в произведениях, не связанных с историей.

Вторая глава рассматривает как все тот же итальянский взгляд, так и воззрения представителя Западной Европы. Здесь нужно принять во внимание, что это уже несколько более поздний период по сравнению с тем, что затрагивается в первой главе, а также стоит иметь в виду имевшиеся на тот момент реформаторские тенденции, набирающие силу при Гвиччардини и уже воплотившиеся в полной мере по исходу самой Реформации при Гроции. Уже в силу одного этого обстоятельства становится ясно, что акценты в умах общества куда больше смещались в сторону измышлений о христианстве и его конфессиональных проблемах, чем воспоминаний о языческом прошлом, поэтому мы наблюдаем, что отсылок становится уже меньше, но все же их еще достаточно много благодаря пространному трехтомному труду голландского юриста, в котором многое им было почерпнуто именно из древнеримских норм права, а также речей выдающихся политических ораторов. Но тут следует не выпускать из виду и тот факт, что для Гроция фоном написания этой работы служила первая общеевропейская война и Нидерландская революция, что, по сути, и подтолкнуло к созданию «О праве войны и мира» как попытке установить общую законодательную базу для решения военных и религиозных конфликтов.

Третья глава по фактическому объему относительно количества страниц не проигрывает первой, но именно в ней заметна разница в самом исследуемом материале – несмотря на внушительные объемы произведений Гоббса и Локка, отсылки к античности в них уже не столь очевидны и часты. С одной стороны, это объясняется тем, что авторы — англичане, ведь английская литература любого рода в большинстве своем основывается на английской же истории, в чем можно наглядно убедиться даже по одним лишь представленным работам, несмотря на обилие в них ссылок на события библейских времен, которые, по сути, приводились как аргументы в полемике. С другой стороны, сам период создания этих произведений больше был проникнут новыми философскими и общенаучными идеями, привнесенными Декартом и Бэконом, а также Спинозой и Лейбницем, нежели ретроспективностью исторических и политических изысканий, хотя последние в чистом виде имели как раз немалое распространение, но уже по большей части с опорой на современное положение вещей с учетом происходящих событий, связанных с политическими потрясениями в Британии во время двух революций. В этом нами обнаруживается причина столь малого числа обращений к античным авторам и событиям того времени по сравнению с мыслителями из предыдущих глав данной работы.

Таким образом, мы замечаем, как по мере приближения к Новейшему времени упоминаний в видных произведениях политической мысли о римском наследии в доле соотношении становится все меньше, но это вполне объяснимо достаточно объективными причинами. К счастью, что данная тенденция не сохранилась до наших дней, и уже в

XX веке ситуация выправляется за счет многоплановости исторических и политологических исследований, благодаря чему и в повседневной жизни мы сталкиваемся с древнейшими институтами и понятиями античности.

Итак, чем же, по сути, является античное наследие и как объясняется его преемственность по отношению ко времени и сменяющимся в нем эпохам? Для ответа на этот вопрос нам потребуется умозрительно воссоздать сам процесс этой преемственности с самого начала. В первую очередь, Римская империя фактически представляла собой объединение огромных территорий, в числе которых помимо Апеннинского полуострова находились земли Северной Африки, Сирии, Испании, Галлии и части Германии. Сами по себе значительные, они, тем не менее, не охватывали всей ойкумены, особенно с учетом стран Дальнего Востока, не подконтрольных Риму. Но в понимании самих римлян их империя уже являла собой весь мир, поскольку за ее пределами обитали варвары, для которых естественным будет подчиниться римскому завоеванию. Эта идея «*всемирной империи*», воплощенная также в стоических взглядах о всеобщем братстве, и имевшая место при ранней христианизации Рима, в конечном итоге передалась католической церкви как идея цивилизации, имеющей единое управление. По большому счету, именно церкви принадлежит заслуга сохранения античной культуры от последствий варварских завоеваний, поскольку сохранены в ее памяти были те законы, обычаи и традиции, что использовались самой церковью, и впоследствии были восприняты теми самыми разрушителями, принявшими христианство. По сути, таким образом римская и

заклученная в нее греческая культуры были перенесены на территорию континентальной Европы.

Сам факт существования Священной Римской империи, имевший место с 962 по 1806 год, говорит нам об этом. Идея христианского общемирового единства была восстановлена в Средневековье благодаря постулату Отцов церкви о том, что Римская империя будет являться последней – и это обязывало использовать ее как символ единства и всемирности новой империи, ее наследования империи старой и конечности лишь в случае пришествия Врага рода человеческого. На протяжении Средневековья эта идея единства всего человечества и католической церкви владела умами – единый властитель, который правит целым миром в союзе с Церковью. Ближе всех к этому идеалу сумел приблизиться Карл V Габсбург, но и ему не удалось претворить идею в жизнь до конца из-за противоборства с Францией и начавшейся Реформации.

Рассмотренные выше положения касаются глобальных геополитических и конфессиональных вопросов, они имели свое место, но в настоящее время от их решения нам досталась лишь история европейских войн и протестантизм в различных его проявлениях, к тому же ни то, ни другое уже не имеют непосредственного отношения к наследию античного периода. Что в таком случае осталось, и какие оно приобрело формы? Священная Римская империя наследовала древнеримской не по содержанию, а по форме, и то лишь условно, особенно с учетом того, что опиралась на период христианизации и деления империи на две части после смерти Феодосия I, что уже относится к событиям IV в. н. э..

Если же мы обращаемся к вопросу о том, что было сохранено, перенято, или внедрялось в повседневность еще из «старой», ранней империи, или вовсе республиканских времен, то помимо примеров, рассмотренных в данной работе, отражающих скорее обстановку в литературной, нематериальной сфере, необходимо обратиться к ежедневности Нового времени. Мишель Фуко в работе, посвященной истории появления и развития пенитенциарной системы Франции XVIII столетия, отмечал, как благодаря идее дисциплины как подчинения каждого отдельного тела и ее влиянию на военный контингент, в первую очередь, формировалась среда, являвшаяся базисом наполеоновского режима, и что образ, наложенный на нее, был образом именно Римской империи за счет сходности наличествующего и там, и тут дуализма: проведения черты между гражданами и военными – юристами и легионерами. Он касается и конкретных примеров того, в чем была основа подобного преобразования²⁵⁷. Корни этого явления уходят в самую организацию бенедиктинских обителей, и затем – иезуитских коллежей, основа которой была заложена еще раньше рассматриваемого Фуко периода. Наличие военной иерархии, терминология, само физическое положение учеников этих заведений в пространстве, которое они обязаны были соблюдать – все было заимствовано из римской армии как наилучшего образца поддержания дисциплины. Разбивка на группы во главе с декурионом, состязательная форма обучения, наличие закрепленного соответственно

²⁵⁷ Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 416 с. С. 179; 199.

рангу места за каждым из учащихя – что это, как не римский легион без оружия в миниатюре?

В целом, говоря об эпохе Просвещения, очевидной является уже упомянутая выше двойственность, связанная с образом Рима. Римская республика превозносится как воплощенная свобода, в военном отношении – образец для подражания имевшейся милитаристской дисциплине. Те же воззрения легко было пронаблюдать в самом конце XVIII столетия, когда была начата Великая Французская революция. Понятие гражданства как идеала с юридической точки зрения проходит через этот временной промежуток красной нитью.

На протяжении всей европейской истории мы можем находить подобные примеры преемственности, интегрирования старых порядков в новое время и обстоятельства. Но не всегда даже требуется лишний раз обращаться к ней, чтобы увидеть, насколько глубоко изначально римские понятия и общественные институты укоренены в современной жизни. Термин «республика» и само явление республиканского строя, институт гражданства и понятие «провинция», изучаемое и поныне римское право и «форум», перешедший из чисто физического объекта в событийную плоскость, «пантеон», представляющий ныне сонм любых, не только римских, богов, а также латинский язык, используемый до сих пор в медицине и юриспруденции. Все вышеперечисленное составляет лишь небольшую долю того утилитарного наследства, что было даровано миру самим фактом существования древнеримского государства.

Конечно, Франческо Гвиччардини был прав, отмечая, что глупо постоянно ссылаться на римлян, ведь имеющиеся

условия не соответствуют тем, что были во времена событий, которые приводятся в пример, и потому не стоит ожидать, что решив проблему аналогичным методом, можно придти к тому же благополучному результату. И, тем не менее, и он, и другие авторы, чьи произведения были рассмотрены в данной работе, понимали, что обращение к опыту прошлого способно предотвратить совершение многих ошибок в настоящем.

Библиография

Источники:

1. Август. Деяния божественного Августа // И.Ш. Шифман. Цезарь Август. Л.: Наука, 1990. 199 с.
2. Аппиан Александрийский. Римские войны. СПб.: Алетейя, 1994. 780 с.
3. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей/ Перевод М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1993. 368 с.
4. Гвиччардини Ф. Сочинения / Перевод М.С.Фельдштейна. М.: Academia, 1934. 550 с.
5. Гоббс Т. Левиафан / Пер. с англ. А. Гутерман, С. Автократов, В. Зайцев; вступ. ст. А.Ф. Филиппов. М.: РИПОЛ классик, 2016. 672 с.
6. Гроций Г. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / пер. с лат. А. Л. Саккетти; вступ. ст. С. Б. Крылова, А. А. Желудкова. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
7. Децим Юний Ювенал. Сатиры. СПб.: Алетейя, 1994. 220 с.
8. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 137–405.
9. Луций Анней Флор. Эпитомы Титу Ливию. Книга II / Перевод А.И. Немировского, М.Ф. Дашковой. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. 167 с.
10. Макиавелли Н. Государь; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия; О военном искусстве: Сборник / Н. Макиавелли; пер. с ит. 2-е изд. Минск: Попурри, 2013. 672 с.

- 11.** Марк Веллей Патеркул. Книга II // «Римская история» Веллея Патеркула // А.И. Немировский, М.Ф. Дашкова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 211 с.
- 12.** Марк Туллий Цицерон. Диалоги / Пер. с лат. и комментарии В. О. Горенштейна. М.: Ладомир - Наука, 1994. 174 с.
- 13.** Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Пер. с лат. и комментарии В. О. Горенштейна. М.: Наука, 1993. 248 с.
- 14.** Марк Туллий Цицерон. Речи в двух томах. Том II (62-43 гг. до н. э.). / Пер. В. О. Горенштейна. М.: АН СССР, 1962. 406 с.
- 15.** Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т./Плутарх, т. II. М.: АН СССР, 1994. 672 с.
- 16.** Полибий. Всеобщая история. Т. I (кн. I—V) / Пер. с греч. и комментарии Ф. Г. Мищенко. М.: 1890-1899.
- 17.** Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида / Пер. с лат. С. А. Ошерова под ред. Ф. А. Петровского. М.: Художественная литература, 1979. 550 с.
- 18.** Публий Корнелий Тацит. Анналы / Пер. с лат. А.С. Бобовича. М.: АСТ: Астрель, 2010. 505 с.
- 19.** Публий Корнелий Тацит. История / Пер. с лат. А.С. Бобовича. М.: АСТ: Астрель, 2012. 828 с.
- 20.** Публий Овидий Назон. Метаморфозы. / Пер. с лат. С. В. Шервинского. М.: Художественная литература, 1977. 429 с.
- 21.** Симпосий Συμπόσιον [Электронный ресурс]: Вегеций. Краткое изложение военного дела. URL:

<http://simposium.ru/ru/node/10268> (дата обращения:
26.11.2017)

22. Тит Ливий. История Рима от основания города. Том I / Пер. С. А. Иванова, комментарий Н. Е. Боданской. М.: Наука, 1989. 577 с.
23. Тит Ливий. История Рима от основания города. Том II / Пер. Г. С. Кнабе. М.: Ладомир, 2002. 808 с.
24. Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога "Historiae Philippicae" // Вестник древней истории, 1954. № 2. С. 203-252.
25. Dio's Roman History/ Eng. transl. by Earnest Cary. London; New York, 1914-1927. 453 p.

Историография:

26. Ауджиас К. Секреты Рима / Пер. с итал. Н. Л. Богданова. М.: РИПОЛ классик, 2011. 576 с.
27. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. М.: РГГУ, 1995. 448 с.
28. Бейкер Дж. Август. Первый император Рима / Пер. с англ. Н. А. Поздняковой. М.: Центрполиграф, 2010. 285 с.
29. Бейкер Дж. Тиберий, преемник Августа / Пер. с англ. Н. А. Поздняковой. М.: Центрполиграф, 2004. 302 с.
30. Вейцман Е. М. Примечания к сочинению "Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского" // Гоббс Т. Избранные произведения: в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1964.

31. Виппер Р. Ю. Очерки по истории Римской Империи. Рим и раннее христианство // Виппер Р.Ю. Избр. соч.: В 2 т. Т.2. Ростов н/Дону, 1995. 400 с.
32. Виппер Р. Ю. Римская империя. М.: Эксмо: Алгоритм, 2012. 400 с.
33. Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М.: ПРОГРЕСС, 1986. 417 с.
34. Грин Д. Р. История Англии и английского народа / Пер. с англ. 3-е изд., испр. и доп. М.: Кучково поле, 2017. 888 с.
35. Дайси А.В. Основы государственного права в Англии. Введение в изучение английской конституции / Пер. О. в. Полторацкой под ред. проф. П. Г. Виноградова. М.: Типогр. товарищества И. П. Сытина, 1905 г. 707 с.
36. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. В 4 т. Т. 4. СПб.: Наука, 2001. 368 с.
37. Дианова В. М. Философия истории: преемственность, параллели, развитие [Электронный ресурс] // Рабочие тетради по компаративистике. / Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб. Web-кафедра философской антропологии, 2003. С.55-60. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/dianova-vm/filosofiya-istorii-preemstvennost-paralleli-razvitie> (дата обращения: 26.11.2017)
38. Зелинский Ф.Ф. Римская Империя. СПб.: Алетейа, 2000. 486 с.

39. Иванова Ю. В., Соколов П. В. Кроме Макиавелли. Проблема метода в политических науках раннего Нового времени. М.: Квадрига, 2014. 320 с.
40. Китс Дж. История Италии / Пер. с англ. Т.М. Котельниковой. М.: Астрель, 2012. 246 с.
41. Ковалев С. И. История Рима. 2-е изд. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 744 с.
42. Кравчук А. Императоры / пер. с польск. Н. В. Селивановой. М.: Астрель, 2012. 1118 с.
43. Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина: В 2 т./ Т.1. Ростов н/Д., 1997. 572 с.
44. Лабутина Т. Политическая борьба в Англии в период Реставрации Стюартов 1660-1681 гг.. М.: Наука, 1982. 207 с.
45. Лабутина Т. Культура и власть в эпоху Просвещения. М.: Наука, 2005. 458 с.
46. Лабутина Т., Д. В. Ильин. Английское Просвещение. Общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб.: Алетейя, 2012. 304 с.
47. Ле Гофф, Ж. Рождение Европы / Пер. с французского А. Поповой. СПб.: Александрия, 2007. 496 с.
48. Машкин Н.А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.: Изд-во АН СССР, 1949. 608 с.
49. Моммзен Т. История Рима: В 4 т. / Т. Моммзен. Т.3. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 640 с.
50. Неродо Ж.П. Август / Пер. Е. В. Головиной. М.: Молодая гвардия, 2003. 366 с.

51. Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. М.: Наука, 1974. 538 с.
52. Омельченко О.А. Всеобщая история государства и права: Учебник в 2 т. Изд. 3-е, исправленное. Т. 1. М.: Остожье, 2000. 528 с.
53. Рассел Б. История западной философии. М.: АСТ, 2016. 1024 с.
54. Рутенбург, В. И. Италия и Европа накануне Нового времени. Л.: Наука, 1974. 323 с.
55. Сочинения великих итальянцев XVI века. Сост., вступ. ст., коммент. Л. М. Брагиной. СПб.: Алетейя, 2002. 375 с.
56. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 416 с.
57. Холланд Р. Октавиан Август. Крестный отец Европы / Пер. с англ. Е. Корягина. М.: АСТ: Астрель, 2010. 348 с.
58. Хизер П. Падение Римской империи / Пер. с англ. А.В. Короленкова и Е. А. Семеновой. М.: АСТ: Астрель, 2011. 795 с.
59. Хьюз Р. Рим. История города: его культура, облик, люди / Пер. с английского А. Тихоновой под ред. В. Бабицкой. М.: АСТ, 2014. 576 с.
60. Шифман И.Ш. Цезарь Август. Л.: Наука, 1990. 200 с.
61. Юсим М. А. Этика Макиавелли. М.: Наука, 1990. 158 с.